ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации ***ПИ № ФС 77-21093***)

Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.).

2013 **Ежеквартальное издание** **№ 3**

Основан в 2001 г.
Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

Издается НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2013
© ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», 2013

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License ***ПИ № ФС 77-21093***)

The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission of the Russion Federation to publish main results of Doctors and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)

2013 **Quarterly** **№ 3**

Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov,** Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics
Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin,** Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies at the Ivanovo State University

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies at the Ivanovo State University, 2013
© Ivanovo State University, 2013

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий** (Щуров), архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

Данилов А. А., Корнев С. А. Проблема самоидентификации интеллигенции в условиях кризиса **9**

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Докучаев Д. С., Назукина М. В. «Элитарный» регионализм в России: проблема взаимоотношений власти и интеллигенции (на материале Пермского края и Ивановской области) 18

Борзова И. С., Докучаева Н. А. Роль оппозиции и интеллигенции в формировании гражданского общества в посткоммунистических странах Восточной Европы в конце XX — начале XXI века (на материале Белоруссии и Черногории) **3**

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Околотин В. С. Роль научной интеллигенции в разработке налоговой политики в Наркомфине СССР (1936—1941)..... **51**

Борисова И. Д., Никонов О. А. Профессионально-образовательные контакты Ирана с Россией в контексте анализа формирования иранской интеллигенции (вторая половина XIX — начало XX века) **69**

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Константинов С. И. Специфика Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе и военная интеллигенция России **81**

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Волков В. С. У истоков ленинградской-петербургской школы интеллигентоведения: Борис Иванович Сандин **83**

ДЕБЮТ

Кирюхин Д. В. Придворная интеллигенция эпохи ранних Тюдоров и ее роль в обучении и воспитании наследников королевского трона **103**

Волобуева М. М. Деятельность рабфаков Верхневолжья в конце 1920—30-х годах **112**

Галиева М. А. Интеллигенция, ее феномен: историческая и провидческая реальность. Трактат С. Есенина «Ключи Марии» **123**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Изучать Историю — это критически взглянуть на свою жизнь (интервью *И. Н. Стрекалова с А. В. Квакиным*) **135**

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

Золотарев О. В. Свежий взгляд со стороны… Размышления над книгой Е. Т. Юинга «Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг.» **143**

Аннотации **153**

Информация для авторов **161**

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

Danilov A. A. Kornev S. A. Problem of self-identification of the intelligentsia in the conditions of crisis **9**

INTELLIGENTSIA IN THE CONTEMPORARY SOCIETY

Dokuchaev D. S., Nazukina M. V. «Elitist» regionalism in Russia: the problem of the relationship between the authorities and the intellectuals (by the case of Permski krai and the Ivanovo region) **18**

Borzova I. S., Dokuchayeva N. A. The role of the opposition and intelligentsia in formation of civil society in post communist countries of Eastern Europe at the end of XX — the beginning of the XXI century (cases of Belarus and Montenegro) **48**

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

Okolotin V. S. Role of the scientific intelligentsia in development of tax policy in Narkomfin of the USSR (1936—1941) **51**

Borisova I. D., Nikonov O. A. Professional and educational contacts of Iran with Russia in a context of the analysis of formation of the Iranian intelligentsia (the second half of XIX — the beginning of the XX century) **36**

FROM THE HISTORY OF MILITARY INTELLIGENTSIA

Konstantinov S. I. Specifics of Civil war in the Uralo-Povolzhsky region and the military intelligentsia of Russia **81**

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Volkov V. S. At the sources of the Leningrad-Petersburg school of intelligentsia studies: Boris Ivanovich Sandin **83**

DEBUT

Kiryukhin D. V. The court intelligentsia of the era of the early Tudor dynasty and its role in training and education of successors of a royal throne **103**

Volobuyeva M. M. Activity of workers' faculties of the Upper Volga in the late 1920-s — the 1930-s **112**

Galiyeva M. A. Intelligentsia, its phenomenon: historical and foreseen reality. S. Yesenin's treatise «Maria's Keys» **123**

SCIENTIFIC LIFE

To study History is to look critically at one's life (*I. N. Strekalov's interview to A. V. Kvakin*) **135**

MAKING CONCLUSIONS

Zolotarev O. V. New view from outside… Thoughts about E. T. Ewing's book «The teachers of Stalinism: policy, practice and power in Soviet school of the 1930-s» **143**

Annotations **157**

Information for authors **161**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 60.543.132.1

А. А. Данилов, С. А. Корнев

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Системный кризис, поразивший страну и общество в конце XX — начале XXI века, привел к тому, что высокие политические понятия, такие как «государство», «народ», «патриотизм», «гражданственность», «духовность», «интеллигентность», сегодня являются в значительной степени девальвированными. При их помощи люди, обладающие властью, деньгами и контролем над информацией, подчас пытаются использовать интеллигенцию в собственных корыстных целях. Приходится с горечью констатировать, что единственно популярной сегодня гражданской позицией в среде интеллигенции является *индивидуализм* (в смысле трезвого и холодного понимания, что в жизни необходимо тебе, а что кому-то другому за твой счет, и стоит ли ему это предоставлять), защита своих личных интересов.

Что же ныне происходит с интеллигенцией, которая, в представлении К. Мангейма, «существует как особая социальная

© Данилов А. А., Корнев С. А., 2013

Данилов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета. aleksandr.danilov.danilov@mail.ru

Корнев Сергей Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Ивановского государственного университета. kornevbox@mail.ru

группа, потенциально способная освободиться от «связанности бытием», неизбежной для человеческого мышления. Это — «интеллигенция», или «социально-свободно-парящие интеллектуалы» (выражение А. Вебера). Они проникают во все слои общества, но концентрируются вокруг высших эшелонов власти, оказывая влияние на политическую элиту[1].

Ныне с большой степенью тревоги мы констатируем нарастающие темпы эмиграции интеллигенции, особенно людей творческих и, в большей степени, как правило, молодых. Но, говоря об эмиграции, мы обращаем внимание в основном на ее физическую составляющую. Между тем, существует такое пагубное явление, как моральная, *психологическая эмиграция*, когда человек мыслящий никуда не уезжает, но духовно уже покинул государство, отдалился от него. Это одна из форм психологической защиты. Под психологической эмиграцией понимаются различные способы ухода от реальности для людей, которым жить в сложившихся обстоятельствах сложно или даже невыносимо. Термин «психологическая эмиграция» означает отрыв от ресурса собственной психики, нарушение внутренних, интеропсихических связей. Такая эмиграция по своим масштабам превосходит физическую, и это требует срочного принятия профилактических мер. Государство не может быть крепким и перспективным, если его граждане, и интеллигенция прежде всего, живя в своей стране, психологически и духовно не связаны с ней, утеряли надежду на достойное будущее. Если государство не привлекательно для гражданина, если он живет здесь только потому, что некуда уехать, то это уже представляет вопрос большой значимости и даже национальной безопасности государства.

Именно интеллигенция, люди творческие, наиболее хорошо понимающие и остро ощущающие окружающую действительность, в первую очередь попадают в категорию «психологических эмигрантов». Сюда относится уход от реальности в любых формах: как плюс — в творчество, так и минус — в алкоголизм, наркоманию, другие разрушительные формы, то есть в асоциальное, девиантное поведение. Люди интеллектуально одаренные, творческие имеют особый склад психики. Все те, кто мыслит иначе, чем большинство, кто идет впереди своего времени, являются не вполне адекватными этому времени. Они волей или не-

волей каждый день сталкиваются с тем, что их отвергают — не понимают или понимают неправильно.

К сожалению, в нашей стране по поводу творческой интеллектуальной личности сегодня существует несколько губительных мифов. Например, миф о том, что человек творческий — поэт, ученый, художник, музыкант — для того чтобы создавать нечто гениальное, должен невероятно страдать. Однако в момент страданий зачастую запускается механизм *саморазрушения личности*, который облекается в ошибочную идею о тождественности болезни и творчества. Отсюда вытекает крайне ложное и вредное представление, что «чем больше ты алкоголик, тем лучший ты поэт, чем больше ты шизофреник, тем больше ты гений, чем больше ты гомосексуалист, тем лучший ты актер или танцовщик»[2].

Кризис интеллигенции напрямую связан с проблемой кризиса российской культуры. Причем культуры в широком смысле — культуры поведения людей в сложных ситуациях. Один из главных факторов устойчивого развития общества — это его духовное состояние. Безусловно, необходимость духовно-нравственного совершенствования является потребностью для всех социальных слоев. Но интеллигенция, в силу ее образованности и роли в формировании общечеловеческой культуры, выступает главным действующим лицом в преобразовательных процессах.

Фактически же осуществление этого сложного процесса тормозится многими факторами. В качестве основных можно назвать наличие традиционной диспропорции между властью, народом и интеллигенцией, традиционное размежевание самой интеллигенции. Часть ее по-прежнему стремится во властные структуры и составляет основу правящей элиты. Декларируя с политической трибуны общечеловеческие ценности, «новая интеллигенция», по существу, становится заложницей своих политических, партийных амбиций. Большая же часть интеллигенции, продолжая заниматься профессиональной деятельностью, скована проблемами выживания. Свободного духовного совершенствования человека не происходит, когда он находится в постоянной материальной нужде, занят добыванием хлеба насущного.

Любопытную черту современной интеллигенции отметил А. Архангельский: «Недостаток термина “новая интеллигенция” в том, что большинство людей, вовлеченных в процессы, которые

мы наблюдаем, себя интеллигентами не ощущают. Они не ощущают себя особым избранным сословием, которому история поручила давать всему моральные оценки. Они в большей степени деятели, чем это было принято у старой русской интеллигенции. Они задают себе вопрос, который нормальный русский интеллигент никогда себе не задавал, — за счет чего мы будем добиваться поставленных целей? У них в то же время есть одна корневая черта обычной интеллигенции — они хотят смотреть на происходящее вокруг и на самих себя с точки зрения морали. Это несомненный признак новой интеллигенции. То есть, с одной стороны, им не присуще чувство народного избранничества, а с другой — они меряют исторический процесс моральным мерилом. И получается, что в первом случае они не интеллигенты, а во втором они несомненные интеллигенты»[3].

Ту кризисную социально-психологическую ситуацию, в которой в настоящее время оказались многие представители российской интеллигенции, на наш взгляд, можно охарактеризовать как *кризис самоидентификации*. Он автоматически порождает крушение моральных ценностей интеллигенции. То есть, если моральные ценности связаны в большей степени не с внутренним духовным опытом, а с соответствующей идентификацией, то наступает моральный вакуум. Как правило, скорее всего, он будет быстро замещен новой структурой самоидентификации. Одним из тревожных признаков кризиса является стремительный рост проявлений аморальности, психопатии, девиации, в том числе и в среде интеллигенции. Когда личная свобода стала доступна каждому, по образному выражению Ф. М. Достоевского, «негодящие» вышли «из узды». Их социальная ненадежность вызвала сильное раздражение общества. «Личность, поведение которой преимущественно аморально и асоциально, характеризуется импульсивными и безответственными действиями, направленными на немедленное удовлетворение эгоистических интересов без учета возможных последствий и без последующего чувства вины и тревоги»[4]. Такого рода людей принято называть психопатами. По мнению американского психолога А. Маслоу, «психопат характеризуется как бессовестный и бесстыжий человек, которому незнакомо чувство вины, который не испытывает любви к окружающим, привык ни в чем себя не ограничивать и не контроли-

ровать себя, который в любом случае поступит так, как ему хочется. …им сподручнее зарабатывать себе на жизнь хитростью и смекалкой, а не тяжелым трудом… Не ведая, что есть стыд и вина, они, как правило, не могут сочувствовать угрызениям совести, мукам раскаяния, вины и сожаления, не в состоянии понять безответной любви, сострадания, чужого стыда и смущения»[5].

В условиях кризиса самоидентификации, в случае разрушения или резкой деформации (чаще в результате воздействия внешних обстоятельств) система переходит в состояние кризиса и необходимости реконструкции, перестройки. Интеллигент в такой ситуации может: а) подавить проблему с помощью средств, изменяющих сознание; б) сделать вид, что ничего не произошло, и пытаться жить в соответствии со старыми моделями, слегка приспособив их к изменившейся ситуации; в) «растворить» границы слоев самоидентификации и слить их в более гармоничную структуру; г) перенести большую часть энергии на другой уровень самоидентификации.

Первый способ широко распространен, он способствует поддержанию стабильности структуры самоидентификации, т. е. широкое потребление в обществе алкоголя или седативных наркотиков сохраняет сложившуюся систему идентификаций и способствует тому, что люди не стремятся ее менять, даже если она совершенно для них неорганична.

Для нашего рассмотрения наиболее интересен именно последний способ. Что происходит, если разрушается или сильно изменяется один из уровней самоидентификации интеллигента? Социально-профессиональный уровень содержит много энергии и сильно воздействует на поведение творческой личности. Если этот уровень разрушается, система переходит в нестабильное состояние. Еще вчера человек был ценным научным сотрудником, преподавателем и т. д., и эта идентификация подразумевала целый ряд привычных и стабильных отношений. Сегодня он безработный или по-прежнему ученый, но уже без зарплаты, без работы, без соответствующего уважения окружающих и без чувства ценности своего труда. Что делает интеллигент в этой ситуации? Как уже отмечалось, есть четыре варианта:

1. Начинает злоупотреблять алкоголем или пытается любой ценой не замечать того, что происходит, и скрывать это от окру-

жающих, т. е. тем или иным способом сохранить прежнюю структуру самоидентификации. В странах Запада, где социально-профессиональная идентификация очень сильна, люди, потерявшие работу, часто впадают в глубокую депрессию, некоторые продолжают утром «ходить на работу», чтобы семья и соседи ни о чем не догадались.

2. Пытается найти «козла отпущения» в лице правительства, чиновников, коллег по работе, начальства и бесконечно их ругать, не стремясь реально изменить свою ситуацию.

3. Пробует срочно подыскать точно такую же работу с таким же социальным статусом — вариант самый конструктивный, но не всегда возможный.

Во всех этих случаях человек хочет остаться в рамках сложившейся модели самоидентификации. Если это возможно, то хорошо, но в период экономического кризиса часто совершенно нереально. Попробуйте в России найти высокооплачиваемую работу по специальности «астроном» или «историк», даже если это доктор наук, в прошлом вполне известный, уважаемый и авторитетный человек.

Четвертый вариант — интеллигент пытается направить энергию на другой уровень идентификации. Пусть я уже не научный сотрудник, но зато я, прежде всего, отец (мать, муж, жена) или русский (украинец, татарин), или православный (мусульманин, иудей), и т. д. Таким образом, в период крушения привычных социальных и экономических отношений акценты могут смещаться на другие уровни самоидентификации. При этом легче всего направить энергию именно в уровни, близлежащие к разрушенному.

С этой точки зрения легко объясним повышенный интерес постсоветской интеллигенции к своему национальному статусу. То, что еще несколько лет назад не привлекало особого внимания, вдруг стало настолько важным, что начались межнациональные конфликты и войны. Хотя очевидно, что и то, и другое не принесло и не могло принести каких-либо экономических выгод. Тем не менее, эта практика очень распространилась. Повышенный интерес к религиозным объединениям, «парад церковных суверенитетов» и различные выяснения отношений на этой почве, зачастую переходящие на уровень драк и бурных судебных разбирательств,

также объяснимы с этих позиций. Действительно, если человек привык жестко идентифицировать себя как инженера, гражданина Великой Державы и т. д., соответственно соразмерять свои ценности, поведение, отношения с окружающими, а теперь больше этого делать не может, то самый простой путь — найти новые способы жесткой идентификации. Чем более жестко задана структура самоидентификации, тем проще с ней взаимодействовать, так как не нужно много думать и искать ответы на жизненные проблемы самому.

Такая ситуация характерна и для России 1917—1920 и 1989—1990-х годов. Новым вождям удалось быстро переориентировать самоидентификацию общества, введя новые определения: «я — пролетарий», «я — большевик» вместо «я — православный», «я — русский». После Великой Отечественной войны наступил новый кризис самоидентификации и коммунистической партии пришлось добавить национальный уровень: «я — русский» (а не еврей и не космополит).

Таким образом, кризис самоидентификации приводит к расслоению интеллигенции. Кто-то лишается привычных моральных ориентиров и пускается во все тяжкие, кто-то замещает старые жесткие нормы на новые, тоже жесткие, но уже неодинаковые (у одних — национально-клановые, у других — религиозные, у третьих — профессиональные), а кто-то становится более целостным и духовным.

Кризис самоидентификации связан и с перестройкой внутренней структуры отдельных слоев. Насколько жестко человек идентифицирует себя, например, в профессиональной области? Насколько способен осознанно изменить ее? Отметим, что чем более иерархично общество, тем более жестко заданы ступеньки такой идентификации. Для сравнения: в СССР существовало 22 звания в армии и 5 научных званий, в США — около 10 званий в армии и 1 научное. То есть, получив степень доктора, американец может полностью расслабиться относительно своей научной идентификации и заняться работой. Выше, чем доктор, званий уже нет. В России кандидат наук всё еще имел много социально определенных ступенек впереди, и «расслабиться» мог разве что академик.

В целом феномен социальной самоидентификации обеспечивает интеллигенции чувство принадлежности к определенной

группе. Социальная идентичность проявляется в деятельности интеллигенции и выполняет функцию связующего элемента между личностью и субъектом. Именно механизм социальной идентичности позволяет определить социальное значение своего «Я» (самоидентификация) и других деятелей (внешняя идентификация). В течение жизни человек переживает несколько кризисов, которые могут затрагивать один или несколько уровней самоидентификации. Резкие социальные изменения в обществе приводят к массовому кризису социально-профессионального уровня самоидентификации. Кризис самоидентификации, в свою очередь, приводит к кризису морали и нравственных ценностей, с ним связанных. Одним из способов разрешения кризиса самоидентификации является направление энергии на другой ее уровень.

Таким образом, выстраивая для страны «образ будущего», к которому надлежит стремиться, необходимо исходить из того, что у России — свой исторический путь, свои ценности, свой идеал общества. Именно в соответствии с ними веками выстраивались миропонимание, культура и мораль не только государствообразующего русского народа, но и всех иных народов, составивших с ним вместе единую государственность и Нацию. Следование этой своей внутренней сути, выстраивание в соответствии с ней всей системы общественных, государственных и экономических отношений — вот единственная возможность для нашего Народа создать для себя и своих потомков действительно счастливую жизнь на собственной земле. Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране сохраняется уважение к родному языку, самобытным национальным ценностям, к памяти предков и отечественной истории.

Процесс самоидентификации подразумевает соотношение индивидуального и группового субъектов, когда человек идентифицирует себя с той или иной группой. Для того чтобы нейтрализовать проблемы и кризисы самоидентификации, необходимо, чтобы все уровни самоидентификации находились в единстве и целостности человеческого развития, так как разрушение или изменение хотя бы одного из них приводит к утрате идентичности. Но если это всё-таки произошло, лучший способ выйти из сло-

жившейся ситуации — постараться перенаправить энергию на другой уровень самоидентификации.

Важно подчеркнуть, что интеллигенция — не только московские интеллектуалы, но и многие провинциальные учителя, вузовские преподаватели и врачи, которые напряженно работают, в том числе и для формирования представления о России, ее образа. Об этом говорит британская исследовательница А. Уайт. Она отмечает, что сформированная интеллигентами провинции модель российской идентичности отличается от той, которую конструируют московские интеллектуалы и политики. На стыке идентичностей — локальной, семейной, национальной — интеллигент чувствует себя «повествователем или героем эпохи перемен». Его рефлексии позволяют понять, как выживает Россия, увидеть ее «изнутри»[6].

Сегодня в контексте самоидентификации современной российской интеллигенции встают и вопросы о качестве российского интеллектуального капитала, о перспективах инновационного развития и о его субъектах. Важно, чтобы мотивация привела не к дезинтеграции, а к консолидации интеллигенции и росту влияния ее представителей в публичном пространстве.

Примечания

[1] Цит. по: *Малинкин А. Н.* Мангейм // Культурология. XX век. М., 2000. Т. 2. С. 9.

[2] *Гюльазизова К.* Ноу-хау российского творца // Неприкосновенный запас. 1999. № 5 (7). С. 89.

[3] *Архангельский А.* «Для новой интеллигенции нет понятия “народ”» : беседу вела Елена Барышева // Московские новости. 2012. 28 марта.

[4] *Алмазов Б. Н.* Психология социального отчуждения. Екатеринбург, 2007. С. 61.

[5] *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. М., 1998. С. 98.

[6] Цит. по: *Фадеева Л. А.* Дискуссии об интеллигенции как способ ее самоидентификации // Полис. 2008. № 3. С. 49. URL: http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/3/4.pdf (дата обращения: 18.05.2013).

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 63.3(2)64+66.2 (2Рос)-283.2

Д. С. Докучаев, М. В. Назукина

«ЭЛИТАРНЫЙ» РЕГИОНАЛИЗМ В РОССИИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ И ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Вводные замечания

Политическое пространстве России за последние десять с небольшим лет существенно изменилось. Новые реалии федеративной политики сказались на изменении характера региональных отношений в стране. В России окончательно оформился «элитарный» регионализм — такая совокупность федеративно-региональных отношений, при которой регионы попали в жесткую зависимость от проводимой центром политики. Выбор регионов в качестве примеров неслучаен. По типологии региональ-

© Околотин В. С., 2013

Докучаев Денис Сергеевич — кандидат философских наук, докторант кафедры философии Ивановского государственного университета. den-dokuchaev@mail.ru

Назукина Мария Викторовна — кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского филиала Института философии и права УрО РАН, старший преподаватель кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. nazukina@mail.ru

ной идентичности, предложенной М. В. Назукиной[1], и Пермский край, и Ивановская область относятся к одному типу регионов, для которых характерно слабое ощущение культурного единства при наличии активной имиджевой политике. Данный тип тесно связан с политикой идентичности и ориентирован на внешние атрибуты (региональный брендинг, имиджевая политика, поиск и закрепление символических атрибутов региональной особости и пр.). В таких регионах ценностные и ментальные основания региональной идентичности начинают заполняться с помощью политического определения уникальности. Безусловно, это не означает, что внутренне регионы символически пусты. Особенность ситуации заключается в том, что члены регионального сообщества слабо рефлектируют относительно своей самости и само сообщество как целостное и ограниченное территориальное образование скрепляется дискурсивной активностью элитных групп. И для Пермского края, и для Ивановской области на определенном этапе развития было характерно слабое ощущение населением общности (во многом и сейчас) на основе культурно-психологических характеристик, зато присутствовало осознание общего интереса, который проявился в активном поиске и закреплении своей уникальности через символическую репрезентацию, внутренний и внешний региональный имидж. Начиная с 2005—2006 годов в указанных субъектах федерации имиджевая политика стала занимать особое место в повестке дня региональной власти, общества и интеллигенции.

Прежде всего дадим определения понятиям «регионализм» и «региональная политическая элита». Под *регионализмом* обычно понимается идеология и стратегия политических элит, нацеленная на перераспределение властных компетенций между «центром» и «периферией»[2]. Применительно к обозначенной теме это понимание следует расширить, добавив несколько замечаний. Регионализм имеет не только политические, но и экономические, а также социокультурные цели. Кроме этого он может проявлять себя не только во взаимоотношениях «центр — периферия», но и «провинция — периферия», «периферия — периферия», «периферия — граница» и т. д. Под *региональной политической элитой* мы понимаем социальную группу, выполняющую

специализированные функции в сфере власти и управления регионом.

Становление «элитарного» регионализма в современной России и его особенности

Начало эпохи правления Б. Н. Ельцина ознаменовалось емкой фразой «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»[3]. Сначала за лозунгом, сказанным в Уфе, последовал «парад суверенитетов» национальных республик, а позднее, уже с середины 1990-х годов стал проявлять себя российский регионализм, граничащий с сепаратизмом. Всё это сопровождалось элитогенезом в субъектах федерации. У этого процесса были как политические, социальные, так и экономические причины. Как отмечает С. Ф. Идрисова, «в новых условиях рыночной экономики социальная дифференциация проявляет себя практически по *всем параметрам жизнедеятельности* людей (доходы, уровень и качество жизни, характер труда, участие в общественно-политической жизни, способы проведения досуга, воспитание детей, семейный быт и т. п.), способствуя образованию как бы разных социальных “миров”. Речь в данном случае должна идти не о метафоре, но о действительной принадлежности различных групп людей разным социальным порядкам, имеющим цивилизационную природу»[4]. В рамках постсоветского социального порядка номенклатурная элита стала приспосабливаться к возникшим политическим реалиям, вокруг нее сплотилась и зародившаяся бизнес-элита. В середине 1990-х годов такие «команды» вполне успешно справлялись с проблемами регионов на местах, фактически без участия федерального центра, который в силу разбалансированности бюджета уже не мог дотировать всех желающих. Ко времени прихода к власти В. В. Путина региональные элиты в субъектах страны сформировались окончательно, вобрав в себя бизнес, номенклатуру и околоинтеллигентские круги. Была выстроена система социального взаимодействия, позволяющая, несмотря на все социально-экономические противоречия в сообществах, конструировать региональность — особую форму социальности, при которой для человека становится значимым

его принадлежность к региональному сообществу и взаимодействие в рамках этого сообщества.

С начала 2000-х годов существующие региональные элиты оказались вовлеченными в большую игру под названием «вертикаль власти»[5]. Суть ее заключалась в построении управляемой конструкции, при которой прямые выборы губернаторов заменялись прямыми назначениями глав субъектов (правда, эта норма де-юре перестала действовать с 1 июня 2012 года). В 2005—2007 годах усилия федерального центра увенчались успехом: в регионах сменились поколения политических элит. Практически по всей стране номенклатурная элита отошла от дел, ее заменили «варяжьи» отряды во главе с губернаторами-назначенцами. Произошло «взламывание прежде всего автаркичных регионовраковин, выстраивание единого элитного пространства, пространственное и социальное перемешивание, ускорение политической динамики и диффузии инноваций»[6]. Новые региональные политические и околополитические элиты стали все больше напоминать в своей деятельности проекцию федеральной конструкции власти. Построение вертикали власти привело к тому, что нарушились механизмы воспроизводства и формирования коренных региональных элит, тех, кто действительно способствовал гомогенизации территориального сообщества. Старые элиты были вынуждены удалиться из публичного политического дискурса.

Безусловно, смена элит привела к тому, что взамен прежнего регионализма, целью которого было создание условий для нормального функционирования автономных политических систем и воспроизводство региональности (как значимой для человека и группы принадлежности к территориальному сообществу) в этих системах, возник элитарный регионализм. Целью последнего стала «постепенная трансформация региональных пирамид власти в местное звено общефедеральной пирамиды (с интенсивными горизонтальными ротациями на всех уровнях включая во все большей степени и глав)[7]. Чем же характеризуется новый регионализм?

Концепт «элитарный регионализм» связан с развитием представлений об активном регионализме. Последний предполагает практическое использование тех возможностей, которые вытекают из естественного территориального деления современных

обществ. Региональное пространство должно восприниматься здесь не как объективистская категория, а выступать в качестве капитала социума, умелое использование которого способно принести немало политических, экономических и прочих дивидендов. Одной из форм поддержания позитивного регионального развития становится высокий уровень идентификации населения с регионом, распространение земляческих настроений и патриотических чувств. На передний план неизбежно выходит практика конструирования всего перечисленного, а поэтому, исследуя активный регионализм, следует обратиться к практическим механизмам создания и продвижения регионального интереса, имеющего четко выраженное стратегические направление.

Элитарный регионализм следует рассматривать в нескольких аспектах: политическом, экономическом и социокультурном. Как мы уже отметили, регионализм — это, прежде всего, деятельность политических элит, направленная на перераспределение властных функций между центром и периферией. В результате этого процесса региональные политические системы приобретают особенную устойчивость, становясь закрытыми на уровне внутрисистемных операций (аутопойетическими), но при этом являются сопряженными на уровне властных структур с федеральной политической системой. Местная политическая «надстройка» в условиях нового регионализма начинает оказывать существенное влияние на всю совокупность речемыслительных процессов в регионе (региональный дискурс). Таким образом, политический метадискурс задает паттерны звучаний всем остальным дискурсам: экономическому, культурному, социальному и т. д. Неудивительно, что в этих условиях коренная региональная элита оказалась в затруднительном положении. Влиять каким-либо образом на происходящее в недрах вертикали власти она не могла, также была не востребована и в регионостроительстве.

Обозначенная выше ситуация стала причиной социальной катастрофы, последствия которой еще не так явствуют, однако проявят себя в ближайшее время. Речь идет о разобщенности реальных и воображаемых региональных элит. Воображаемые (варяжьи) элиты ко всему прочему принялись изображать и конструировать гражданское общество в регио-

нах, загубив на корню формирующиеся его зачатки. Все это проявило себя в тот момент, когда стало необходимо создавать и транслировать в обществе новые бренды и имиджевые зарисовки регионов.

Имиджевая политика российских регионов в 2000-е годы — это особая тема и еще одно порождение вертикали власти. Централизация власти привела и к централизации бюджета. Большинство финансовых инструментов, которыми регионы ранее могли пользоваться, стали со временем прерогативой федерального центра. Регионы-доноры на себе это не почувствовали, однако дотационным субъектам федерации пришлось доказывать свою готовность в освоении выделяемых финансовых средств. Сделать это в условиях либеральной экономической модели, когда помогают не тем, кому это действительно нужно, а тем, кто сильнее, было возможно, лишь сконструировав положительный имидж региона.

В условиях вертикали власти главы субъектов федерации стали активно работать на внешний имидж региона, на поиск уникальных черт, создание новых брендов и активное освещение их в федеральных средствах массовой информации. И всё это для того, чтобы привлечь внимание руководства страны к конкретному региону. Тогда у губернатора появлялось больше шансов быть переназначенным на второй и последующий сроки, а возможно, и получить дополнительные деньги из федерального бюджета на реализацию тех или иных социально важных программ[8].

В нынешней ситуации, когда прямые назначения губернаторов заменяются выборами, акценты в имиджевой политике смещаются. Первая избирательная кампания глав субъектов, которая состоялась в октябре 2012 года в пяти регионах, наглядно показала востребованность антиваряжской фразеологии и одновременно значение пока еще существующих местных традиций в предвыборных стратегиях региональных акторов. Работать только на внешний образ региона теперь недостаточно, необходимо активнее конструировать региональность, формировать внутреннее пространство субъекта федерации, поднимая его до уровня бизнес-ценности.

Жизнь вне вертикали власти теперь оказывается весьма проблематичной. Совершенно очевидно, что вслед за выборами губернаторов последует и отказ от системы конкурсного назначения глав муниципалитетов. Все это сильнее и сильнее будет расшатывать вертикаль власти. Новая управленческая модель, вероятно, приведет к ослаблению влияния Кремля на местные элиты. Предполагая такой исход краха вертикали власти и, как следствие, новый сепаратизм, федеральный центр делает все возможное, чтобы окончательно уничтожить активную региональную интеллигенцию. Под видом повышения эффективности работы региональных университетов — главных центров поддержания региональности — происходит закрытие и объединение учебных заведений, их переустройство. Делается всё для того, чтобы действительно думающие люди отвлеклись от реальных проблем и занялись делами незначительными и в большей степени житейскими, как то — поиск ставок в объединенных вузах, борьба за сохранение рабочих мест и повышение заработных плат, противостояние сокращению и т. д. В конечном итоге это сводит к нулю их человеческий капитал. Реформа высшей школы, по-видимому, будет длиться столько времени, сколько потребуется федеральному центру на введение новой управленческой модели взамен вертикали власти. Кремлю сейчас важно выиграть время и дезориентировать научную интеллигенцию. Нельзя не согласиться в этом отношении с мнением А. В. Ерахтина, который пишет, что «общество программирует свое будущее через систему образования, развитие культуры и научные исследования. В решении всех этих проблем решающая роль принадлежит интеллигенции. Политический режим, который не желает или не способен решать эти проблемы, не может осуществлять национальное развитие, исторической перспективы не имеет» [9].

Интеллигенция в (без)действии?

Страна уже не та, что была десять или даже пять лет назад. Люди не те и коллективные их представления о себе изменились. Жители регионов перестали быть только дистанцированными зрителями с сохранением позиции невключенности, самоустра-

нением от ответственности за происходящее и будущее. Самое важное, меняется форма социальности в нынешней России. Если в 2006 году Б. Дубин фиксировал увеличение «не полностью принадлежащих»[10], как бы отсутствующих людей, то теперь процесс массовизации социума замедлился.

Пермский край является классическим образцом, иллюстрирующим трансформации конструирования региональной идентичности в новых политических условиях. Включение региональных властей в процесс оформления региональной исключительности происходит в начале 2000-х. Толчком этому послужила дискуссия «Как формируется имидж региона? Или Почему Пермь путают с Пензой?», которую провела в конце 2002 года Пермская гражданская палата в рамках проекта «Пермская Ассамблея — гражданские дискуссии»[11]. Тогда эксперты сошлись во мнении, что репрезентативная составляющая Прикамья не соответствует финансовому потенциалу территории, а региону не хватает амбиций и имиджевых проектов.

С этого времени в региональном дискурсе появляется проблема внешнего имиджа. При этом поиск уникальности региона становится привязанным к продвижению образа нового губернатора Ю. П. Трутнева, молодого и амбициозного политика, победившего на выборах в 2000 году. В структурах областной администрации в 2003 году был разработан проект создания региональной идеологии — «Позитивная региональная идеология», согласно которому мифом пермской уникальности должна была стать мифологема «первопроходчество». Несмотря на то что проект так и не стал законом, дискурс первопроходчества нашел наибольшее проявление в реализации проекта по объединению Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в единый Пермский край. Это сделало регион лидером по отношению к российским политическим процессам в плане укрупнения субъектов РФ.

Однако возведение имиджевой политики в ранг одного из приоритетов связано уже с губернаторством О. А. Чиркунова (2004—2012). В ежегодном послании, с которым выступил глава региона перед депутатами Законодательного собрания Пермской области в 2004 году, содержался раздел о положительном имидже

региона: «*Наш край и его столица — город Пермь должны иметь свое лицо, и этот образ должен быть ярким, запоминающимся. Мы должны ассоциироваться с местом, имеющим свою историю и комфортным для проживания*»[12]. Более того, губернатор заговорил о необходимости координации усилий власти, бизнеса и общественности в этом вопросе.

С конца 2004 года начинаются поиски символов пермской исключительности, и вопросы имиджа входят в политическую повестку, появляется человек, курирующий данный вопрос в областной администрации. На должность вице-губернатора, отвечающего за формирование образа региона, в начале 2005 года был назначен директор рекламной группы «Озон» Олег Ощепков, благодаря чему Пермская область значительно выделилась среди других субъектов, поскольку на тот момент ни в одном регионе страны не было чиновника столь высокого ранга, главная работа которого — продвижение территории[13]. Сфера имиджа оставалась в зоне ответственности Ощепкова вплоть до его отставки 3 марта 2008 года.

Именно в это время закладываются особенности политического курса по конструированию пермской уникальности, воспроизводящиеся до настоящего времени. Назначение на должность директора бренд-консалтинговой группы означало придание вопросу имиджа коммерческого смысла — необходимости создания нового качества региона и его продвижения с помощью маркетинговых инструментов. Еще одной тенденцией данного этапа стало сосредоточение усилий на конструировании внешнего образа региона через формирование устойчивых ассоциаций у внешнего потребителя («Парк пермского периода», «Пермь — Культурная столица Поволжья», «медвежий край» и др.) и слабое внимание к его внутреннему содержанию — самоощущению собственной аутентичности у самих пермяков.

С 2008 года возникают новые тенденции в имиджевой политике, связанные с появлением новых агентов конструирования пермской уникальности среди политической элиты. Изменение связано тем, что губернатор Олег Чиркунов взял под контроль процесс работы над пермской уникальностью, сформировав вокруг себя креативный центр из привлеченных «экспертов». Начало этому процессу было положено в конце 2007

года и связано с инициативами продвижения региона, озвученными новым представителем губернатора края в Совете Федерации Сергеем Гордеевым.

Конкретные проявления деятельности тандема Чиркунов—Гордеев по позиционированию Пермского края связаны с реализацией совместного проекта «Пермь как центр современного искусства» при непосредственном курировании его известным московским галеристом Маратом Гельманом.

Реализация инициатив Гельмана привела не только к созданию Музея современного искусства, но и способствовала усилению рефлексии регионального сообщества по отношению к определению «кто есть “мы”». Это проявилось благодаря фактору опасности в связи с тем, что пермская власть отдала культурную и имиджевую политику региона в руки московских пиарщиков (Марат Гельман, Николай Новичков, Артемий Лебедев и др.). Ситуация обусловила появление конфликтной линии: на политическом уровне есть заинтересованность в продвижении известности региона вовне через реализацию мегапроектов (прежде всего, PR-проектов, таких как «Музей современного искусства», «Пермь — культурная столица Европы»), в то же время культурная общественность в большей степени работает вовнутрь и критикует власть за эти проекты, подчеркивая, что предлагаемые идентификационные символы не укладываются в исходную матрицу идентичности региона как спокойной, провинциальной земли.

В качестве ключевой особенности региона интеллигенция рассматривает пермское культурное наследие. Культура региона выполняет символически важную роль, наполняя место смысловым содержанием. Из огромного краеведческого материала в единую систему включаются мифы и символы пермской исключительности. Так, анализу пермского текста русской культуры посвящена работа В. В. Абашева «Пермь как текст»[14]. Автор исследует «Пермь» как структурно-семантическое образование, одну из категорий русской культуры. Среди наиболее значимых культурных наполнителей «пермскости», образующими словарь «пермского текста» являются географические объекты, исторические и культурные персонажи и другие сюжеты — Стефан Перм-

ский, пермский геологический период, Кама, Башня смерти, пастернаковский Юрятин, пермский звериный стиль, Ермак, Биармия, пермская деревянная скульптура, камский мост, судьба чеховских трех сестер, предания о Чуди, пермский Гулаг, пещеры и др. Так, пермское культурное сообщество проводит большую работу по развитию пермского текста и его мифологизации.

Непосредственным центром, концентрирующим креативное начало, выступает пермский общественный фонд «Юрятин», руководителем которого является доктор филологических наук, профессор Владимир Абашев. Само название фонда указывает на целенаправленное влияние по развитию локального текста. Юрятин — это название уральского города в «Докторе Живаго» Б. Пастернака, который выступает прототипом Перми. Деятельность фонда в основном сосредоточена на популяризации литературно-культурного наследия региона через дискуссионную и издательскую формы.

Собственно, разбирая мифотворческую активность «юрятинцев», можно отметить, что они привлечены к разработке региональных программ по поддержке культурной сферы. Одним из наиболее позиционированных ими выступает литературный миф о Пастернаке, продвигающийся сегодня в качестве одного из имиджевых направлений региональной политики. Монументализация мифа о Пастернаке, проявившаяся в идее установки памятника, обнаружила инициативность пермской интеллигенции, объявившей о сборе средств на эти цели.

Вместе с тем, важным обстоятельством, тормозящим усвоение литературных мифов, выступает недостаточная координация усилий с властью. Творческая интеллигенция в подавляющем большинстве не оказывает влияния на процесс продвижения идентичности на политическом уровне. Их дискурсивные стратегии, определяющие пермскую гордость, замыкаются в профессиональном поле.

Квинтэссенцией этого стала монополизация культуры региона идеей современного искусства. Недовольство политикой краевого министерства и деятельностью М. Гельмана мобилизовали пермскую интеллигенцию. Ряд деятелей заняли нейтральную позицию, поскольку оказались вовлеченными в культурную

политику региона (например, П. Печенкин). Но волна критики, требования отставок и пересмотра культурной политики стали доминирующими. Деятели культуры даже созвали в 2009 году Конгресс пермской интеллигенции, заговорили о культурном секонд-хенде для Перми и использовании пермского пространства москвичами.

Персонифицированным выражением борьбы стал известный писатель Алексей Иванов, раскритиковавший культурную политику региональных властей. Проекты Иванова по продвижению Пермского края не нашли поддержки у министерства культуры, хотя последнее всячески пыталось наладить диалог с писателем, но его требования приняты не были. Серьезной потерей для властей стало приглашение полпредством Уральского федерального округа А. Иванова для разработки продвижения Среднего Урала.

Стоит добавить, что в июне 2013 года после череды скандалов последовало увольнение Гельмана с должности директора Музея современного искусства «PERMM».

В ***Ивановской области*** с 2005—2006 годов ситуация развивалась по похожему сценарию. Несмотря на то что в регионе не возникла «культурная революция», со стороны новой команды губернатора Михаила Меня началась активная имиджевая кампания по продвижению региона. В области постепенно формируется новый список героев места. В него попадают кинорежиссер Андрей Тарковский, советский «шансонье» Аркадий Северный, модельер Вячеслав Зайцев и другие известные личности. С каждым конкретным «героем» связывается культурно-массовое событие: Тарковский — кинофестиваль «Зеркало», Северный — российский фестиваль шансона «Черная роза», Зайцев — международный конкурс «Текстильный салон», российский фестиваль моды «Плес на Волге. Льняная палитра». Три из четырех событий российского и международного масштаба являются вновь созданными и появляются после 2005 года. Исключение составляет лишь «Текстильный салон», проводящийся в Иванове с 1992 года (хотя до появления команды М. Меня конкурс не был столь масштабным).

Активно в период губернаторства М. Меня развивается брендинг отдельных городов и территорий области. Выбор был сделан в пользу Иванова — областного центра, Палеха — известного центра лаковой миниатюры и Плеса — знаменитого среднерусского курорта. Однако каких-либо серьезных консультаций с общественностью и интеллигенцией не проводилось. Возможно, при широком обсуждении, территории остались бы и упомянутые выше, однако имиджевые акценты могли быть расставлены иначе. Тогда не было бы анекдотических ситуаций вроде лозунга «Сделаем Иваново столицей Ивановской области»[15], а шансы на победу в конкурсе «Молодежная столица Европы»[16] у города возросли, если бы уже на стадии заявки к брендингу и продвижению территории подключилась научная и творческая интеллигенция региона. Как справедливо заметил М. Тимофеев в полемике («Иваново — столица Европы: вся власть симулякрам!!!») на страницах сетевого издания «Лабиринт»: «…решения, как минимум европейского масштаба, принимаются администраторами и активистами без каких либо консультаций со специалистами»[17].

Парадоксально, но в условиях элитарного регионализма большинство решений относительно конструирования идентичности и имиджа территории принимается властью без участия общества и интеллигенции. Одно из объяснений этому — просто и утилитарно. Такой регион, как Ивановская область, не может позволить себе за счет внутренних бюджетных ресурсов развивать конкретные территории (например, Плес и Палех). Встает вопрос о федеральном целевом финансировании. Безусловно, какие-то средства предусматриваются для регионов. Однако необходимо пройти ряд конкурсных процедур и подтвердить готовность к освоению средств. Вместе с тем, формирование федеральных программ для местных чиновников всегда оказывается «неожиданным», а потому нерасторопность приводит к поспешному выбору объектов финансирования. Средства получаются не для тех территорий, которые на самом деле стоило бы развивать, а для тех, под которые получить проще (есть какая-то инфраструктура, социальный капитал, государственно-частное партнерство).

Еще одна особенность элитарного регионализма заключается в позиции власти как стороннего наблюдателя по отношению к интеллигенции, ее проектам и замыслами. Научная и пуб-

личная дискуссия о «ренессансе советскости»[18], продолжающаяся в Иванове уже не первый год, так и не удостоилась внимания со стороны региональных властей. Дело в том, что часть научной интеллигенции (философы, историки, культурологи, специалисты по туризму) уже не первый год рассуждают на тему ребрендинга областного центра, призывая не отметать все советское, а наоборот, капитализировать его, привлекая туристов. В ряде регионов страны наметилась тенденция по созданию музеев советского быта, комплексов советской цивилизации (Казань, Ульяновск и др.), а в Иванове, к слову сказать — «Родине Первого Совета», власти предпочитают не трогать эту тему ввиду ее специфической политической окраски. Часть научной интеллигенции предлагает полностью отказаться от идеологических акцентов в позиционировании советскости, сконцентрировав усилия на репрезентации советского образа жизни. Диалог между ивановской властью и общественностью по этому вопросу так и не начался. Впрочем, и по многим другим вопросам ситуация похожая. Региональной власти слушать мнение интеллигенции просто некогда и незачем, что создает ситуацию разлома внутри региональной идентичности. Если в Ивановской области ситуация пока не так накалена, то в Пермском крае доведенная до предела политика элитарного регионализма потерпела крах. Отставка губернатора О. Чиркунова в 2012 году привела к разрушению основ «культурной революции». Не случайно новый губернатор В. Ф. Басаргин отметил, что проект «Пермь — культурная столица» оказал свое влияние на жизнь края и дал толчок развитию целого ряда направлений, но, с другой стороны, проект расколол творческую элиту на тех, кто попал в мейнстрим, и тех, кто остался в стороне. Новый лидер ищет компромисс[19]. Созданный Совет по культурной политике при губернаторе находится в ситуации ревизии и поиска стратегии культурной и имиджевой политики.

Вместо заключения

Элитарная модель регионального управления в вопросах идентичности, идущая в разрез с традиционным для региона вектором самоопределения своей уникальности, всегда или почти всегда формирует конфликтный потенциал внутри региона. С

другой стороны, именно фактор угрозы является катализатором активности регионального сообщества, мыслящая часть которого инициирует дискуссии о региональной самости. Будучи одним из ключевых акторов конструирования региональной идентичности, интеллигенция формирует идентификационные смыслы, легитимирует их в своем творческом процессе. Она пытается выстроить диалог с властью, другое дело, что в условиях нового элитарного регионализма правящим кругам предложения интеллигенции просто не нужны. Вместе с тем, как показывает ситуация Пермского края, активность и согласованность усилий способны привести к изменениям в проводимом политическом курсе. В этой связи можно отметить не только необходимость возрастания роли интеллигенции в жизни региональных сообществ, но и актуализацию потребности в скоординированных действиях как внутри этой социальной группы, так и в масштабах всего регионального сообщества[20].

Примечания

[1] *Назукина М. В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ : автореф. дис. … канд. полит. наук.

[2] *Бусыгина И. М.* Политическая регионалистика : учеб. пособие. М. : РОССПЭН, 2006. С. 10—11.

[3] Известия. 1990. 8 авг.

[4] *Идрисова С. Ф.* Российский элитогенез в эпоху глобализации // Известия УРГЭУ. 2009. № 3 (25). С. 8.

[5] *Докучаев Д. С.* «Вертикаль власти» и трансформация системы региональной идентичности в современной России // Политика и общество. 2010. № 3. С. 16—20.

[6] Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / Моск. Центр Карнеги ; под ред. Н. Петрова и А. Титкова. М. : РОССПЭН, 2010. С. 71.

[7] Там же. С. 72.

[8] *Докучаев Д. С.* Проект «Мульти-Россия» : опыт анализа способов репрезентации российских регионов // Молодой ученый. 2010. № 3. С. 159.

[9] *Ерахтин А. В.* Интеллигенция, власть и социальная справедливость в современной России // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 37.

[10] *Дубин Б.* Симулятивная власть и церемониальная политика: о политической культуре современной России // Вестник общественного мнения. 2006. № 1. С. 14—25.

[11] Как формируется имидж региона? Или Почему Пермь путают с Пензой? : материалы гражданской дискуссии. Пермь, 26.12.2002 г. URL: http://www.prpc.ru/discuss/image.shtml (дата обращения: 18.12.2012).

[12] Послание губернатора 2004 : доклад исполняющего обязанности губернатора Пермской области О. А. Чиркунова о социально-экономическом и политическом положении Пермской области. URL: http://www.perm.ru/files/Doklad.doc (дата обращения: 01.12.2012).

[13] Главный по PR // Business class. №. 1. 17.01.2005. URL: http://www.business-class.su/article.php?id=265 (дата обращения: 20.01.2013).

[14] *Абашев В.* Пермь как текст : пермский текст в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. 399 с.

[15] Пример баннера можно увидеть здесь. URL: http://joyreactor.cc/post/60558 (дата обращения: 25.01.2013).

[16] Пермь также использует европейский дискурс в региональном брендинге. Самыми распространенными формами позиционирования европейского дискурса становятся слоганы «Пермь — ворота в Европу!», «Европа начинается в Перми!» и «Пермь культурная столица Европы». Последний сближает город с Ивановом в тематическом плане, поскольку в течение нескольких лет региональные власти активно продвигали проект «Пермь — культурная столица Европы 2016». Отказ по формальным основаниям (до 2019 года конкурс официально открыт лишь для городов стран ЕС) не остановил амбиции краевого минкульта, который разработал проект присоединения Перми к городам — победителям звания в 2016 (Сан-Себастьяно и Вроцлав) через идею культурного единения Европы. Пермь также заявилась на соискание звания «Молодежная столица Европы — 2015». При этом общественность, в том числе и интеллигенция, изолирована от влияния на процесс продвижения указанных проектов, а европейский образ города рассматривается здесь в качестве показателя, что город принадлежит к прогрессивным и «идущим в ногу со временем» территориям Европы. В мыслях проектировщиков это является важной основой для развития территории.

[17] *Тимофеев М.* Иваново — столица Европы: вся власть симулякрам!!! // Лабиринт : журн. соц.-гуманит. исслед. URL: http://journal-labirint.com/?page_id=296 (дата обращения: 10.01.2013).

[18] См. материалы Круглого стола «Красное кольцо»: советское наследие в Ивановском регионе». Иваново, Музей промышленности и искусст-

ва, 8 ноября 2012 года // Лабиринт : журн. соц.-гуманит. исслед. 2012. № 5. С. 94—114.

[19] *Басаргин В. Р.* «Пермская культурная революция» расколола элиту // Российская газета. 21.11.2012. URL: http://www.rg.ru/2012/11/21/reg-pfo/perm-culture-anons.html (дата обращения: 13.02.2013).

[20] В данном контексте интерес представляет исследование Фадеевой Л. А. «Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность» (М. : Новый хронограф, 2012), раскрывающее «болевые точки» российской интеллигенции.

ББК 63.3 (4)64—283.2

И. С. Борзова, Н. А. Докучаева

РОЛЬ ОППОЗИЦИИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (на материале Белоруссии и Черногории)*

Термин «гражданское общество» за последние несколько десятилетий стал одним из ключевых концептов в гуманитарной науке. Ядром гражданского общества принято считать организации и группы, не зависящие от государственного аппарата и защищающие интересы и права граждан (оппозиционные движения и партии, группы интеллектуалов, общественные движения, организации, союзы, независимые средства массовой информации и т. д.).

Развитие гражданского общества является во многом противоречивым процессом, поскольку, с одной стороны, государство заинтересовано в стимулировании прогресса гражданского общества и поддержке его институтов, а с другой стороны, становление гражданского общества приводит к формированию организаций и структур, деятельность которых может быть противопоставлена государству.

Эти противоречия особенно ярко проявляются в условиях посткоммунистического транзита в странах Восточной Европы, где оппозиция и интеллигенция балансируют между трансфор-

© Борзова И. С., Докучаева Н. А., 2013

Борзова Ирина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. irafor@yandex.ru

Докучаева Наталья Александровна — издатель сетевого научного журнала социально-гуманитарных исследований «Лабиринт». natdok85@gmail.com

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ, соглашение 14.1337.21.0695.

мирующимся государством и формирующимся гражданским обществом. Представители оппозиции и интеллигенции отдельных восточноевропейских стран играют важнейшую роль в формировании гражданского общества, поскольку на их плечах лежит задача по анализу и осмыслению общественно-политического развития, а также поиску наиболее оптимальных вариантов и стратегий дальнейшего развития государства.

Представители интеллигенции посткоммунистических стран Восточной Европы принимали самое активное участие в процессе создания оппозиционных партий, появившихся на политической арене региона после крушения коммунистической системы. Именно представители интеллигенции, имеющие определенную автономность в рамках общества, способны выразить несогласие с официальным режимом и зачастую составляют костяк оппозиции.

Из всего многообразия примеров, иллюстрирующих разные модели взаимодействия оппозиции и власти, мы решили остановиться на двух не совсем типичных для Европы случаях — Белоруссии и Черногории, где демократический транзит проявился по-своему уникально.

Белоруссия в данном контексте стоит особняком от других восточноевропейских стран. Географическая близость, а также историческая и экономическая связь с Европой могли бы способствовать трансляции европейских либеральных ценностей на Белоруссию и ее успешному демократическому транзиту, но в этой стране сложилась своя особая специфика политического развития.

В Белоруссии, ввиду отсутствия устойчивых политических традиций, медленными темпами идет развитие политического плюрализма. Система власти всячески сдерживает этот процесс, демонстрируя нетерпимость к любым проявлениям оппозиционности. Некоторые исследователи отмечают, что «во второй половине 1990-х гг. в Белоруссии сложилась авторитарная политическая система»[1].

В подобных условиях развитие оппозиционного движения является весьма проблематичным. Процесс объединения оппозиционных сил только начинает набирать обороты, электорат оппозиции пока распылен по разным кандидатам и не может превратиться в монолитную силу, поэтому оппозиционным лидерам и

представителям национальной интеллигенции Белоруссии пока не удается сломить внутриполитическую ситуацию в стране.

Такое положение связано во многом со сдержанными настроениями, которые превалируют в белорусском обществе. Радикальные демократические реформы, на которых настаивают белорусские интеллектуалы, не устраивают значительную часть белорусов. Наблюдая за нестабильной ситуацией после «революции роз» и «оранжевой революции» в Грузии и Украине, многие белорусы не желают подобного повторения у себя на родине и, следовательно, не хотят прихода оппозиции к власти.

Большинство белорусов открыто не демонстрируют свое недовольство политикой Лукашенко (даже если оно на самом деле присутствует), одобряют многочисленные программы социальной поддержки со стороны власти, выступают за твердый порядок и государственный контроль. Для них реальные социальные льготы гораздо более привлекательны, чем абстрактные призывы оппозиции строить демократическое государство по западным образцам. При этом граждане в основном спокойно относятся к силовым мерам, применяемым властями, поскольку, по их мнению, это поможет сохранить общественное спокойствие, стабильность и безопасность[2].

В среде белорусских интеллектуалов наблюдается иная тенденция. Интеллектуальная среда является питательной для обсуждения и анализа альтернативных идей развития общества и государства. Вопросы становления и развития национальной культуры, языка, идентичности и самобытности традиционно находятся в центре внимания белорусской интеллигенции.

Именно в среде интеллигенции зародилась и развивается сегодня «неофициальная» трактовка белорусской истории. С этих позиций важнейший период относится к XIII в. — времени расцвета Великого княжества Литовского, к которому восходят белорусские политические традиции. Особенно явно идеи национального возрождения прослеживаются у сторонников и членов одной из самых известных национально ориентированных партий Белоруссии — Белорусского народного фронта (БНФ). Это объединение начало свою деятельность в конце 1980-х гг. и выступало за идею белорусской независимости на основе националистических принципов.

БНФ, получив в самом начале весомую поддержку, не смог удержать свои позиции в дальнейшем, сведя деятельность к культурологическим преобразованиям, потому что в сознании большинства белорусских граждан устоявшиеся прочные связи с Россией играли более значимую роль, чем перспективные, но во многом призрачные связи с западными странами, пропагандируемые БНФ. Фактически БНФ не имел программы экономических преобразований, которая на тот момент действительно была нужна Белоруссии — все эти факторы в совокупности предопределили падение популярности этой партии.

С приходом на пост президента страны А. Г. Лукашенко темпы развития оппозиции в Белоруссии снизились из-за нетерпимого отношения главы государства к любым неподконтрольным ему движениям. Если в самом начале своего первого президентского срока Лукашенко пытался избегать конфронтации с кем бы то ни было, то впоследствии внутриполитическая деятельность режима свелась к целенаправленной борьбе с любыми проявлениями инакомыслия.

Выборы Верховного Совета в 1995 г. и референдум, инициированный президентом в ноябре 1996 г., стали основой для поиска компромисса между раздробленными оппозиционными партиями и их первых совместных действий. Конечно, говорить о широкомасштабных объединенных акциях не приходится, но оппозиция, которая на тот момент оказалась в изоляции от своего электората и перед перспективой самоизоляции, предприняла первые попытки консолидации на «антилукашенковской» основе. Так, например, в августе 1996 г. подписи под единым документом «Об общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране» поставили непримиримые оппоненты из Партии коммунистов Белорусской (ПКБ) и Белорусского народного фронта, а также руководители еще пяти крупнейших партий Белоруссии.

В целом, можно отметить ряд отличительных черт, свойственных белорусской оппозиции. Изначально политическая деятельность оппозиции имела оторванный от реальной жизни характер, то есть лидеры оппозиционного движения зачастую выступали за те цели и ценности, которые не являлись первостепенными для большинства белорусских граждан. Но и само белорусское общество в те годы было достаточно противоречиво, недос-

таточно структурировано в социально-политическом отношении, и полноценную базу для складывания масштабного оппозиционного блока создать в стране не могло[3].

Это во многом определяет наличие того значительного количества разнообразных оппозиционных политических партий и объединений, которые со временем возникали в Белоруссии. Оппозиционные партии Белоруссии в большинстве своем малочисленны, и при официальной регистрации в Министерстве юстиции многие из них с трудом преодолевали необходимый количественный рубеж, поэтому в литературе в отношении белорусских партий часто можно встретить такие определения, как «карликовые» или «диванные».

Политические партии зачастую дробились, что было характерно, например, для БНФ, в рядах которого не стало единства по поводу тактики деятельности. После очередного учредительного съезда в декабре 1999 г. партия раскололась на сторонников Зенона Позняка, который с 1996 г. находится в эмиграции, и приверженцев политика «новой волны» Винцука Вечерко, возглавившего обновленную партию БНФ. Зенон Позняк стал лидером оппозиционной политической организации «Консервативно-христианская партия БНФ» (КХП-БНФ). При этом разница между новообразованными в результате процесса дробления оппозиционными партиями ясна далеко не всем. Осложняло положение оппозиции и нежелание лидеров ее партий по причине личных амбиций идти на компромисс, необходимый для эффективных совместных действий в ходе предвыборных кампаний. Это затрудняет процесс консолидации в рядах оппозиции, без которого реально рассчитывать на победу на выборах и широкомасштабную поддержку среди населения нельзя.

Несмотря на такое сложное положение, в котором пребывает на сегодняшний день белорусская оппозиция, все же она научилась использовать ошибки государственной власти, а белорусская интеллигенция и представители интеллектуальных кругов пытаются доказать гражданам Белоруссии, что существующий в стране уровень жизни уже давно отстал от уровня западных стран, и стремятся донести до белорусского населения альтернативные варианты развития страны.

***

Специфика формирования гражданского общества, а также функционирования оппозиции в Черногории во многом связаны, во-первых, с коммунистическим югославским наследием страны, а во-вторых, с особенностями менталитета ее граждан, которым свойственна приверженность традиционализму в государственно-общественных отношениях. К распаду Югославии Черногория подошла, не имея не только самостоятельной стратегии дальнейшего развития, но и политической элиты, способной ее определить. Формирование политической жизни и политической элиты в условиях общего с Сербией государственного образования составляет, на наш взгляд, одну из основных особенностей становления и развития политической системы Черногории на фоне других постъюгославских государств. В большинстве из них (Сербия, Словения, Македония) у власти в различных «воплощениях»[4] продолжали оставаться те же силы, что и в социалистической Югославии. Политическая элита Черногории, также выйдя из коммунистической номенклатуры, оформилась к концу 1990-х гг. и, практически не меняя состава, сохранила власть до начала второго десятилетия XXI в.

Формирование суверенной черногорской элиты уходит корнями во времена социалистической Югославии. В конце 1980-х гг. в руководстве Союза коммунистов Черногории оформилась группа молодых деятелей, стремившихся занять лидирующие места в правящих кругах. Это были Момир Булатович, Святозар Маркович и Мило Джуканович — политики, впоследствии оттеснившие от власти «старую гвардию» черногорских коммунистов.

Приняв участие в организации митингов в поддержку Слободана Милошевича в Черногории, Булатович и Джуканович (на тот момент ему было 29 лет) получили вскоре высшие посты соответственно президента и премьер-министра Черногории. Их третий соратник, адвокат С. Маркович впоследствии стал спикером Скупщины Черногории. Первоначально обновленная правящая элита Черногории, несмотря на приведшие ее к власти уверения в приверженности демократии, полагала лучшим решением оставить в республике однопартийную систему. Однако крах Союза коммунистов и переход к многопартийным системам в дру-

гих республиках заставили ввести подобные изменения и в Черногории. Еще до принятия Парламентом Черногории 3 октября 1990 г. Закона о многопартийных выборах, в республике началось формирование политических партий и ассоциаций. В декабре 1989 г. была создана Демократическая альтернатива, которая первой выступила против монополии одной партии. В январе 1990 г. был образован Либеральный альянс Черногории (LSCG), который выдвинул задачу утверждения в стране европейских ценностей, а позднее — и провозглашения независимости Черногории[5].

На первых многопартийных выборах в Черногории, как и следовало ожидать, победу одержал Союз коммунистов Черногории, после выборов переименованный в Демократическую партию социалистов (ДПС). Она, с одной стороны, тесно сотрудничала с Социалистической партией Сербии, а с другой — противостояла призывам к унитарному государственному объединению Черногории и Сербии, появившимся в начале 1990-х гг.[6]

Многопартийная система, состоящая из большого числа партий и коалиций, охватывающих практически весь идеологический спектр, формировалась в Черногории с начала 1990-х гг. При этом на протяжении всего периода суверенизации правящей партией в Черногории оставалась ДПС, входившая в разные периоды в коалиции с другими партиями. Основные направления деятельности партии были сформулированы на ее III съезде в декабре 1998 г. ДПС выступила «за лучшую жизнь» (основной лозунг партии), «за мир» и «за Черногорию как общий дом для всех… независимо от национальной, религиозной и партийной принадлежности»[7]. С конца 1990-х гг. ДПС составила коалицию с Социал-демократической партией (СДП) Черногории. Согласно Программе партии[8], СДП провозгласила себя «преемником традиций антифашистского сопротивления граждан и народов Черногории, тех политических сил, которые выступали за идею социального равенства», и носителем европейской идеи в Черногории. Среди целей партии — построение государства, являющегося «средством освобождения человека, государства, стоящего на службе у человека». СДП входит в Социалистический интернационал. С обретением Черногорией независимости целью партии было заявлено построение в стране гражданского общества, а среди главных задач указывались борьба с коррупцией и пре-

ступностью и создание гражданского общества, «основанного на солидарности и помощи как традиционных ценностях черногорского общества». Основой культурной модели черногорского общества был определен мультикультурализм, а в качестве идеала обозначена «свобода каждого человека, в независимости от социального статуса, этнической и религиозной принадлежности, сексуальной ориентации, расы или пола». Обе партии выступают за евроатлантическую интеграцию Черногории.

Таким образом, в правящей партийной конфигурации объединились политические силы, сочетающие происхождение от черногорского Союза коммунистов Югославии с умеренным черногорским национализмом и политическими ценностями современного европейского социального и демократического государства. Наличие в правящей коалиции с «партией власти» Социал-демократической партии удобно как с точки зрения акцентирования ее социальной политики, так и в инструментальном плане, и позволяет создавать впечатление многопартийности на верхнем этаже власти.

Политические силы «второго эшелона» черногорской политической элиты, стремящегося занять место правящих кругов, обвиняя последних в коррупции и пренебрежении интересами народа, объединились вокруг Социалистической народной партии под руководством Срджана Милича. Сравнение основных целей партии и ее программных положений с вышеизложенными документами правящей коалиции вряд ли позволяет выявить серьезные и принципиальные различия. Партия стремится к построению гражданского общества и государства, в котором «господствуют мир, разум, закон и справедливость»[9]. Акцент на необходимости демократических институтов и органов власти уважать законы и обладать опытом, профессионализмом, ответственностью перед обществом и гражданами, на способности обеспечить мирную жизнь и правовую безопасность граждан косвенно указывает на основные направления критики оппозиционерами правящей коалиции. Партия пыталась привлечь избирателей построением экономически развитого и передового общества и государства, которые гарантируют и обеспечат «социальную безопасность каждого гражданина и семьи, перспективу жизни сегодняшнего и будущих поколений». Среди основных принци-

пов партии подчеркиваются свобода, равенство и справедливость в обществе (этот принцип включает борьбу с коррупцией и преступностью, представляющими одну из «наибольших проблем Черногории»). Выступая за присоединение страны к европейскому сообществу, народные социалисты, как и правящая коалиция, перечисляют в своих программных документах все основные принципы европейского демократического развития. Будучи заинтересованными в голосах всех граждан страны, народные социалисты также делают акцент на важности толерантности и уважения различий, в том числе этнических и религиозных[10]. Интересно заметить также, что лидер социалистов С. Милич называет себя «сербом, который говорит на сербском языке»[11], что соответствует позиции его партии, отстаивавшей сохранение сербского языка в качестве государственного во время формирования текста конституции.

Новым участником черногорских выборов в первой декаде XXI в. стала партия «Движение за перемены», основанная в июле 2006 г. и также оппозиционная ДПС. Председатель Небойша Медоевич строил свою партию, основываясь на принципах сербской «G17 Plus». Партия позиционировала себя как современное европейское политическое движение, действующее на основе демократических принципов. Партия сохранила тесные связи с упомянутой «G17 Plus», Либерально-консервативной партией Сербии, выступающей за децентрализацию и региональное развитие страны.

Остальные оппозиционные силы сформулировали вполне определенные приоритеты на национальной основе. Просербская оппозиция Черногории также стала формироваться в 1990-е гг. Среди просербских партий тогда выделялась Народная партия Черногории, возглавляемая профессором сербской литературы Новаком Килибардой. Она опиралась на сербскую националистическую программу и пропагандировала идею о том, что сербы и черногорцы — это одна нация. На еще более радикальных позициях стояла Народная демократическая партия, но самыми яростными защитниками сербского национализма стали Сербская радикальная партия Бранко Костича и движение «За автономное присоединение Черногории к Сербии».

В начале XXI в., накануне парламентских выборов 2009 г. сербскую оппозицию представила Новая сербская демократия

(НОВА) Андрии Мандича, сформировавшаяся в начале 2009 г. из участников нескольких просербских партий и неправительственных движений (Сербская народная партия, Народная социалистическая партия, организация Матица Боке). По идеологическим критериям ее можно отнести к умеренно-центристским партиям. Основные программные цели Новой сербской демократии формулировались как развитие свободного, открытого общества на основе равноправия, человеческого достоинства, уважения прав человека и прав меньшинств. Одним из главных направлений провозглашалось развитие национальной идентичности сербского народа в Черногории; межнациональное равноправие — сохранение и развитие своей национальной идентичности. Эта задача включает борьбу за равноправие сербского народа в Черногории, достижение его конституционного статуса, полное признание национальной идентичности, свободы и экономических интересов граждан. Партия настаивает на изменении системы ценностей, на равноправии и равенстве всех граждан и народов, живущих в Черногории. Провозглашая целью как европейскую, так и региональную интеграцию, партия выступает за укрепление связей с Сербией, необходимое вследствие «естественной связи, общего исторического опыта и личных, семейных и деловых связей» двух государств. НОВА также настаивала на вынесении вопроса о вступлении Черногории в НАТО на референдум.

Активность оппозиционных партий лучше всего проявляется в ходе избирательных кампаний и подготовки к ним. Поэтому для анализа деятельности черногорской оппозиции мы рассмотрим две избирательные кампании: президентскую 2008 г. и парламентскую 2009 г.

Первые президентские выборы после референдума о независимости 2006 г. и принятия конституции 2007 г. состоялись 6 апреля 2008 г. Было зарегистрировано 4 кандидата: Небойша Медоевич от оппозиционной партии «Движение за перемены», Андрия Мандич от Сербского списка, Срджан Милич от Социалистической народной партии и Филип Вуянович, действовавший президент, от Демократической партии социалистов. При этом исследователи отмечают особенность электорального процесса в Черногории, которая заключается в том, что черногорские избиратели делают свой выбор исходя не из симпатий к конкретной

политической фигуре, а из предпочтений к политической программе и принадлежности политика к определенной партии[12]. В ходе президентской кампании кандидаты акцентировали внимание на различных программных целях. Так, Н. Медоевич сосредоточился на переменах, критикуя коррупцию и преступность и особо уделяя внимание электорату от национальных меньшинств[13]. А. Мандич акцентировал вопросы развития инфраструктуры, реформы здравоохранения и пенсионной реформы, возрождения промышленности и экономического развития Черногории. Его лозунги не содержали националистической риторики[14]. С. Милич обращал внимание на проблемы местного значения, пенсионную реформу, семейные ценности и преодоление разногласий[15]. Ф. Вуянович фокусировал свою кампанию на безопасности и стабильности, активно пропагандируя вступление в НАТО и ЕС. Кроме этого, он говорил об улучшении уровня жизни, также делал ставку на избирателей из числа национальных меньшинств[16]. Что касается освещения президентской кампании в СМИ, то центральное электронное СМИ, RTCG, работало в пользу действовавшего президента Вуяновича. Доля времени, выделенного на освещение его президентской кампании, составила 33,8 %, по сравнению с 23,8 % у кампании Милича, 22,2 % у Медоевича и 20,1 % у Мандича[17]. Крупнейшая коммерческая станция TVIN также заметно симпатизировала Вуяновичу (47,2 %). Медоевич получил 22,4 %, Мандич — 19,3 %, а на кампанию Милича было обращено 11,1 % эфирного времени.

Отметим, что партии, выражающие интересы национальных меньшинств Черногории, хотя их представители не участвовали напрямую в предвыборной гонке, косвенно принимали участие в президентской кампании, поддерживая определенных кандидатов. Так, Демократический союз албанцев и Хорватская гражданская инициатива поддержали Вуяновича, а Албанская альтернатива и Новая демократическая сила (FORCA) отдали предпочтение Медоевичу[18]. В результате президентских выборов 2008 г. победу одержал действующий президент, представитель ДПС, Филип Вуянович (51,89 %). Второй результат получил Андрия Мандич от Сербского списка (19,55 %). Представители партии «Движение за перемены» и СНП набрали 16,64 % и 11,92 % соответственно[19]. Выборы выявили серьезное расхождение мне-

ний избирателей различных регионов страны: Ф. Вуянович получил значительную поддержку в 13 муниципалитетах из 21, но в столице уступил Н. Медоевичу, которого поддержали муниципалитеты со значительной частью населения, относящегося к национальным меньшинствам — бошнякам, мусульманам, албанцам. Еще до голосования отмечалось, что шансы у Вуяновича на поддержку национальных и этнических меньшинств гораздо меньше, чем у Медоевича[20]. Медоевич считался кандидатом от меньшинств, поскольку в своей публичной деятельности всегда высказывался за их права[21]. Мандич, как и следовало ожидать, заручился поддержкой сербского населения. Милича поддержали жители муниципалитетов, населенных в основном сербами и черногорцами. Вклад в победу кандидата от ДПС на президентских выборах принадлежит и Мило Джукановичу, оказавшему поддержку Вуяновичу, который, по оценкам аналитиков, не являлся харизматической личностью в правящей коалиции[22].

Следующими в Черногории стали парламентские выборы 29 марта 2009 г. Эта избирательная кампания была проведена раньше срока, после того как Парламент Черногории проголосовал за досрочное прекращение полномочий. В выборах участвовали все основные политические партии. Правящая коалиция ДПС-СДП дополнилась Хорватской гражданской инициативой и Бошняцкой партией под лозунгом «Европейская Черногория — Мило Джуканович». В лагере оппозиции Либеральная партия и Демократический центр объединились в коалицию «За другую Черногорию». Новая сербская демократия покинула Сербский список (Сербская радикальная партия, Партия сербского народа). Социалистическая народная партия и партия «Движение за перемены» также не вступали в коалиции. Коалиция Народной партии и Демократической сербской партии сохранилась. Также в кампании принимали участие черногорские коммунисты и новая Партия пенсионеров и инвалидов[23].

Отдельную часть политического спектра Черногории на выборах 2009 г. представляли партии национальных меньшинств — Демократический союз албанцев Ферхата Диноши; Новая демократическая сила Назифа Цунгу, Албанский список (Демократическая лига Черногории и Албанская альтернатива), Албанская перспектива, Партия демократического процветания; бошняцко-

мусульманская коалиция Демократического союза мусульман-бошняков Черногории, Бошняцкая демократическая партия, Бошняцкое демократическое сообщество.

Предвыборная кампания получила широкое освещение в СМИ, как государственных, так и частных. Однако эксперты вновь отметили отсутствие баланса в освещении предвыборных кампаний и перевес в пользу действующих властей[24].

По итогам парламентских выборов 2009 г.[25] наибольшее число — 48 мандатов получила коалиция Европейская Черногория (Демократическая партия социалистов Мило Джукановича и Социал-демократическая партия), второй по количеству мандатов стала Социалистическая народная партия Черногории — 16 мест. Остальные места в Парламенте разделили партии Новая сербская демократия, партия «Движение за перемены», Бошняцкая партия, блок Албанская альтернатива и перспектива (Демократический союз албанцев DUA, Новая демократическая сила), Демократический союз Черногории.

На парламентских выборах 2009 г., согласно исследованию М. Леандровой[26], повторилась территориальная неравномерность политических ориентаций избирателей. Как и прежде, эти результаты связаны с территориальным срезом этнической картины черногорского общества — южные регионы населяют преимущественно албанцы, северные — сербы, из чего следует и распределение голосов на выборах. Однако, как мы отмечали ранее, албанцы и бошняки традиционно поддерживают правящую партию ДПС, начиная с проведения референдума, в ходе которого голоса представителей национальных меньшинств сыграли решающую роль, вплоть до парламентских выборов 2009 г., когда албанцы вновь поддержали правящую коалицию, возможно, в качестве «благодарности действующему премьер-министру за признание Косово».

Помимо политических факторов, оказавших влияние на распределение мест в Парламенте Черногории в 2009 г., необходимо отметить и фактор традиционности черногорского общества, которым, по нашему убеждению, также можно объяснить победу Вуяновича на президентских выборах 2008 г. Главный редактор газеты «Vijesti» Ж. Иванович[27] подчеркнул значимость проживающего в Черногории небольшого количества населения, обусловливающего ситуацию, когда «все всех знают». Фактиче-

ски, из примерно 650 тыс. человек лишь около 300 тыс. могут участвовать в выборах. В этих условиях лидеры страны, партия власти буквально знакома лично с каждым избирателем. Это позволяет оказывать давление на избирателей, если не прямыми угрозами, то «добрососедскими разговорами», обещанием помощи и т. д. Такая замкнутость и немногочисленность черногорского общества, а также его гражданская пассивность являются, по нашему убеждению, одним из наиболее значимых факторов столь длительного сохранения у власти одной партии, а точнее — даже одной политической фигуры. Ситуация усложняется и широко распространенной практикой непотизма — кумовства, семейственности, что делает если не невозможным, то крайне затруднительным реализацию каких-либо изменений.

Тем не менее, в начале XXI в. в Черногории стала активизироваться оппозиция, которая открыто высказывалась против политики Мило Джукановича, называя ее недемократичной и обвиняя «отца черногорской нации» в коррупции. Оппозиционные силы, создаваясь в основном представителями интеллигенции, объединялись в блоки с целью продвижения политических интересов своих групп. Нужно заметить, что одной из особенностей части черногорской оппозиции является ее ярко выраженный национальный характер. Значительный вес в обществе сохраняют партии, ориентированные на налаживание отношений с Сербией, что говорит о сохранении в черногорском обществе рельефного сербского вектора. Среди этнических меньшинств наибольшую политическую активность и сплоченность проявляют черногорские албанцы, поддерживающие правящий курс, но стремящиеся в то же время отстаивать свои интересы. В целом же оппозиция в Черногории хоть и стала более заметной и активной в последние годы, однако пока не может преодолеть популярности правящей ДПС, умело использующей различные инструменты для сохранения власти.

***

Рассмотренные случаи представляют собой отличающиеся друг от друга примеры «демократического транзита», но в то же время могут быть объединены рамками одной концепции — кон-

курентного авторитаризма, причем ее основные показатели будут также различны для этих стран. Так, С. Левитски и Л. Уэй, анализируя случай Белоруссии, характеризуют уровень «связей» (*«linkage»*) как «низкий», а «давления» (*«leverage»*) как «средний»[28], что говорит о довольно высокой сопротивляемости белорусского государства внешней демократизации, следствием чего отчасти и является низкая оппозиционная активность, с одной стороны, и прочность центральной власти, с другой. Развитие гражданского общества в белорусских условиях также затруднено, поскольку сама его концепция предполагает создание общества западного типа — демократического. Низкая подверженность общественно-политических отношений в Белоруссии западному влиянию (в различных сферах) осложняет формирование институтов гражданского общества.

Что касается Черногории, хотя авторы концепции конкурентного авторитаризма не рассматривают эту страну напрямую (они анализируют лишь случай Сербии, оценивая уровень и «связей», и «давления» как «высокий»[29]), но мы берем на себя смелость полагать, что Черногория в рамках этой концепции может характеризоваться еще более высокой открытостью, чем Сербия. Уровень демократизации в Черногории по основным показателям выше, чем в Белоруссии, однако фактически Черногория также относится к странам с режимом конкурентного авторитаризма, когда конкурентные выборы существуют в условиях серьезного нарушения демократических процедур. Наличие в Черногории широкого спектра оппозиционных партий не означает сменяемости власти. В течение многих лет страной руководят одни и те же политические силы, и хотя в Черногории давление власти на оппозицию не столь ярко выражено, как в Белоруссии, даже высокий уровень влияния западных демократий не приводит к формированию в Черногории демократического режима и эффективного гражданского общества.

Однако среди существенных различий рассмотренных случаев можно выделить и схожие черты. В частности, важно отметить, что в рамках квазидемократических режимов, как в Белоруссии, так и в Черногории, оппозиционные силы зачастую формируются представителями интеллигенции на основе националистической идеологии и национальной идеи. В обоих случаях наиболее

заметные оппозиционные силы имеют национально ориентированные программы и (в случае Черногории) формируют свой электорат из представителей национальных и этнических меньшинств.

Проанализированный в статье материал являет собой примеры «многоликого» демократического транзита на пространстве Восточной Европы, в условиях которого даже наличие оппозиционных сил, происходящих чаще всего из кругов интеллигенции, обладающей высокой гражданской активностью, не гарантирует складывания истинно демократического режима и формирования системы гражданского общества.

Примечания

[1] *Шевцов Ю.* Авторитарная модернизация в Восточной Европе: политическая система Беларуси. URL: http://www.regnum.ru/news/1030455.html (дата обращения: 23.05.2013).

[2] *Коктыш К. Е.* Трансформация политических режимов в республике Беларусь, 1990—1999. М. : Изд. центр науч. и учеб. программ, 2000.

[3] См., напр.: *Борзова И. С.* Белорусская демократическая оппозиция 90-х гг. XX — начала XXI века // Ярославский педагогический вестник. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 4. Т. 1. С. 72—76.

[4] *Morrison K.* The political life of Milo Djukanović // Südosteuropa 57 (2009). H. 1. S. 25—54.

[5] *Андриашевич Ж. М., Растодер Ш.* История Черногории. М., 2010. С. 273.

[6] *Bieber F.* Montenegrin politics since the disintegration of Yugoslavia. URL: http://www.policy.hu/bieber/Publications/bieber.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

[7] Istorijat DPS. URL: http://www.dps.me/o-nama/istorijat (дата обращения: 23.05.2013).

[8] Основные программные положения СДП вошли в новейший вариант партийной программы, принятый в июне 2011 г. Socijaldemokratska partija : VII Kongres : program. 2011. Jun. URL: http://www.sdp.co.me/Program (дата обращения: 22.05.2013).

[9] Основные цели партии. URL: http://snp.co.me/strana.asp?kat=1&id=394 (дата обращения: 24.05.2013).

[10] Tolerancija i poštovanje različitosti. URL: http://www.snp.co.me/strana.asp?kat=1&id=6148 (дата обращения: 24.05.2013).

[11] Milić: Srbin sa mi govorim srpskim jezikom // Informativni portal «Analitika». 2011. 28. Febr. URL: http://www.portalanalitika.me/politika/vijesti/21068-mili-srbin-sam-i-govorim-srpskim-jezikom.html (дата обращения: 23.05.2013).

[12] Presidential election in Montenegro : the vicious circle of politics, mafia and crime // International Institute for Middle East and Balkan Studies. 01.04.2008. URL: http://www.ifimes.org/default.cfm?Jezik=En&Kat=10&ID =358 (дата обращения: 25.12.2012).

[13] См.: Interim report 27 February — 24 March 2008 / OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights : Election Observation Mission // Presidential Election, 2008. Republic of Montenegro. P. 5.

[14] Ibid.

[15] Ibid.

[16] Ibid.

[17] Ibid.

[18] Republic of Montenegro : Presidential Election 6 April 2008 / OSCE/ODIHR Election Observation Mission Final Report.Warsaw, 2008. 1 Sept. P. 12.

[19] См.: Democracy assistance & elections news from the Consortium for elections and political process strengthening (CEPPS) URL: http://www.electionguide.org/results.php?ID=1116 (дата обращения: 23.05.2013).

[20] Ibid.

[21] Presidential election in Montenegro.

[22] Ibid.

[23] Montenegro : early parliamentary elections 29 March 2009 / OSCE/ODIHR Election Observation Mission Final Report. Warsaw, 2009. 10 June.

[24] Ibid.

[25] Konačne rezultate izbora u skupštinu Crne Gore. URL: http://www.skupstina.me/index.php?strana=saopstenja&id=143&menu_id=1.2 (дата обращения: 24.05.2013).

[26] *Леандрова М.* Анализ результатов парламентских выборов марта 2009 г. в Черногории. URL: http://www.regional-science.ru/2009/12/06/leandrova-montenegro-2009/ (дата обращения: 23.05.2013).

[27] Интервью с Ж. Ивановичем // *Докучаева Н. А.* Формирование суверенного государства и гражданского общества в Черногории во второй половине 1990-х — 2000-е гг. : дис. … канд. ист. наук. Иваново, 2013. Прил. № 2. С. 226—234.

[28] *Levitsky S., Way L. A.* Competitive Authoritarianism // Hybrid Regimes After the Cold War. Cambridge University Press, 2010. P. 201.

[29] Ibid. P. 104.

дов. Обычно их в то время именовали «группами», «центрами». При этом подразумевалось, что в каких-то научных учреждениях или учебных заведениях, городах была сосредоточена группа историков, действующих как некая общность: новосибирская школа во главе с В. Л. Соскиным, уральская — во главе с В. Г. Чуфаровым и М. Е. Главацким и ленинградская школа истории советской интеллигенции. Позже они в силу стечения обстоятельств уступили место ныне лидирующей ивановской школе интеллигентоведения (В. С. Меметов и др.)[1]. Основы ленинградской школы интеллигентоведения заложил талантливый ученый Борис Иванович Сандин (1928—1967), работавший в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена[2].

Его непродолжительную работу в Ленинградском государственном педагогическом институте (теперь Российском государственном педагогическом университете) им. А. И. Герцена можно сравнить с метеоритом, с той лишь оговоркой, что этот космический пришелец предстает перед взорами на несколько секунд, сияя на темном небосводе, а свет, исходивший от Бориса Ивановича, долгие годы изливался на значительный круг лиц, ядром которого были сотрудники кафедры истории КПСС. Это был свет научного поиска, увлекшего учеников и последователей Бориса Ивановича, благодаря чему и сложилась герценовская, можно и шире обозначить ее границы, ленинградская школа интеллигентоведения, о которой, применительно к периоду ее расцвета, уже рассказано в одном из сборников статей[3]. Она стояла в одном ряду с новосибирской и уральской группами интеллигентоведов-единомышленников. Основу публикаций составляют воспоминания ряда герценовцев (Н. А. Голубевой, Д. А. Егоровой, В. С. Волкова, В. В. Микшина, М. П. Филиппова, Г. К. Шлыковой), написанные ими для передачи в музей РГПУ им. А. И. Герцена, а также научные работы Б. И. Сандина, его учеников и последователей.

Борис Иванович родился в семье крестьян в селе Старые Верхассы Инсарского района Мордовской АССР, по национальности мордвин. В 1930г. его родители вступили в колхоз. Семья была многодетной. У Бориса Ивановича было 2 брата и 3 сестры. Отец, Иван Прокофьевич, участвовал в Великой Отечественной войне, вернулся с фронта инвалидом. Семья нуждалась. Борис в детстве испытал и бедность, и голод. Одежда — скудная, обувь:

зимой валенки, летом лапти. Впоследствии он рассказывал, что первые ботинки ему купили после окончания средней школы, когда он отправился в Саранск поступать в педагогический институт и получил строгий наказ беречь их. Поэтому на вступительные экзамены Борис отправился в лаптях, а сияющие глянцевой кожей ботинки пребывали в заплечном мешке. Приблизившись к городской черте, он надел вожделенную обновку, а лапти демонстративно бросил в придорожную канаву, придав этой акции символическое значение.

У Бориса рано обнаружилась страсть к получению знаний, он обладал хорошей памятью и трудолюбием. Успешно окончив среднюю школу и без труда сдав вступительные экзамены на исторический факультет Мордовского государственного педагогического института, с 1 сентября 1945г. стал его студентом. Способный юноша с крестьянским упорством, самозабвенно осваивал институтский курс. Начиная со второго семестра, он стал получать (и получал ее до окончания института) сталинскую стипендию, размер которой позволял ему учиться, не отвлекаясь на заработки. Все семестровые экзамены Борис сдал на отлично, на выпускных государственных экзаменах комиссия поставила ему три оценки «отлично» и одну «хорошо». В итоге он был удостоен диплома с отличием. Еще будучи студентом, он в 1948г. вступил в ряды ВКП (б).

Преподаватели Мордовского педагогического института сориентировали своего талантливого ученика на занятие научно-исследовательской работой. В 1949г. он поступил в аспирантуру при кафедре основ марксизма-ленинизма (фактически истории ВКП (б)) Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского. Его научным руководителем был профессор К. М. Лебедев, ученый не первой величины, но мудрый и заботливый наставник. Кандидатская диссертация Бориса Ивановича посвящена теме «Ленинградские большевики в борьбе за создание технической интеллигенции в годы I пятилетки». Борис Иванович прикипел душой к этой теме, оценил ее перспективность и привлекательность и занимался ею в последующие годы своей недолгой, но яркой жизни. В 1952г. он успешно защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата исторических наук. С сентября того же года он был зачислен на должность старшего преподавателя кафедры основ марксизма-ленинизма в Ленинградском

педагогическом институте им. М. Н. Покровского и работал в нем до августа 1957г., т. е. до присоединения его к Педагогическому институту им. А. И. Герцена.

Борис Иванович пользовался авторитетом у преподавателей и студентов, дважды он избирался секретарем институтского бюро КПСС. В ноябре 1953 г. он женился на выпускнице этого института Инне Борисовне Большаковой, впоследствии ставшей доктором биологических наук, ведущим научным сотрудником Ботанического института Академии наук. У них родились две дочери (в 1954 г. — Елена, в 1958 г. — Ирина).

После присоединения Педагогического института им. М. Н. Покровского к Герценовскому институту не все «покровчане» могли войти в штат объединенного института, и Борис Иванович в течение двух лет (с 1 сентября 1957г. по 1 сентября 1959г.) работал старшим преподавателем в Ленинградском педиатрическом медицинском институте. Но с 1 сентября 1959г. в Герценовском институте появилась вакансия, и приказом ректора Борис Иванович был зачислен на должность старшего преподавателя, а в декабре того же года прошел конкурсный отбор на должность доцента кафедры истории КПСС.

Благодаря своей научной эрудиции, лекторскому и ораторскому таланту, преданности профессиональному долгу, общественно-политической активности, высоким нравственным качествам Борис Иванович не затерялся среди работников Герценовского института, большинство из которых были незаурядными и яркими личностями, напротив, он занял свое, заметное место. Не стоит удивляться тому, что в 1962г., когда истек срок работы доцента Г. Н. Позняка в должности заведующего кафедрой истории КПСС, Борис Иванович был рекомендован на эту должность ректором и партийным комитетом КПСС и избран Ученым советом института. Между прочим, в составе этой кафедры было несколько человек, уже поработавших в должности заведующего (Г. Н. Быков, Д. Т. Шустов, М. М. Марагин и тот же Г. Н. Позняк). Могли быть претенденты и из других вузов. Но среди возможных кандидатов Борис Иванович выделялся своей талантливостью, хотя некоторых, как вспоминает Михаил Петрович Филиппов, смущала его молодость. И среди доцентов кафедры он был одним из самых молодых.

Чутко улавливая тенденции развития института, тактично определившись в отношении своих явных и неявных соперников накануне выборов заведующего кафедрой, опираясь на поддержку патриотов кафедры, Б. И. Сандин взял верный курс в руководстве коллективом и последовательно проводил его в жизнь на протяжении 5 лет. Как вспоминает долгие годы работавшая доцентом кафедры истории КПСС Диана Александровна Егорова, «он очень хорошо разбирался в людях. Он объективно оценивал, кто чего стоит, мог предугадать перспективы работника. Например, он правильно сделал, что перевел Е. К. Смирнову с должности лаборанта на преподавательскую работу, и она стала развиваться, расти. Он помог ей выбрать тему для кандидатской диссертации… Борис Иванович очень хорошо расставлял кадры по факультетам, считаясь с их способностями, интересами». В характеристике Б. И. Сандина, составленной в начале 1967г. ректором, секретарем парткома, председателем месткома института, говорилось: «С приходом Б. И. Сандина на должность заведующего кафедрой, благодаря его большой организаторской деятельности и научной помощи резко повышен уровень научной работы кафедры. С 1961 г. все 8 аспирантов кафедры успешно окончили аспирантуру и защитили диссертации. Аспиранты Микшин и Трусь, у которых научным руководителем был Б. И. Сандин, досрочно защитили диссертации. Б. И. Сандин оказал большую помощь преподавателям в их научном росте, в результате 3 преподавателя защитили и 1 полностью подготовил к защите диссертацию. Всего на руководимой Б. И. Сандиным кафедре защитили диссертации 17 человек»[4]. В характеристике отмечен также и значительный рост качества учебно-методической работы. Видимо, личный вклад Бориса Ивановича в достигнутые кафедрой успехи был так заметен, что он удостоился одной из высших государственных наград — ордена Трудового Красного Знамени, которым вузовские работники награждались не часто.

Борис Иванович был убежден в том, что полноценной, эффективной научная работа кафедры может быть в том случае, если ее сотрудники сосредоточатся на исследовании крупной, общественно значимой проблемы. Для того времени это была смелая идея, казавшаяся ряду членов кафедры нереальной, так как каждый из ее сотрудников изучал свою тему и переключаться на

новую, общую проблему не желал, тем более такая проблема явно не просматривалась.

Однако Борис Иванович в течение короткого срока сумел превратить в такую стержневую проблему ту, которой он занимался сам как исследователь, — формирование и развитие советской интеллигенции. А главными механизмами наращивания числа исследователей стали аспирантура и регулярно издававшиеся тематические сборники статей. Благодаря этому он сумел переориентировать и некоторых преподавателей на изучение истории интеллигенции. Борис Иванович был прекрасным научным руководителем, чему способствовали его обширные знания, глубокий аналитический ум, умение мыслить масштабно, на перспективу, и высокие нравственные качества, прежде всего порядочность, принципиальность, отзывчивость и деятельная доброта.

Интенсивно работая с опубликованными и выявленными в архивах источниками, Борис Иванович наметил для исследования обширный круг тем, которые следовало изучить в первую очередь. Их-то он и предлагал начинающим исследователям, поступившим в аспирантуру на кафедру истории КПСС. Он приобщил к ним почти всех своих аспирантов. В. В. Микшин работал над темой «Деятельность Ленинградской партийной организации по подготовке инженерно-технических кадров для народного хозяйства страны. 1933—1937 гг.», диссертация А. Н. Труся называлась «Деятельность Ленинградской партийной организации по подготовке кадров хозяйственного строительства. 1953—1963гг.». В. С. Волкову, автору данной статьи, он предложил тему «Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров без отрыва от производства. 1927—1937 гг.». С. Ф. Клишин исследовал тему «Московская партийная организация в борьбе за подготовку инженерно-технических кадров для народного хозяйства страны. 1928—1937 гг.». Аспирантка Н. Н. Литвинова получила тему «Коммунистическая партия — организатор подготовки женских инженерно-технических кадров. 1926—1937гг.». Л. И. Краморенко стала заниматься англо-американской историографией советской интеллигенции (она свободно владела английским языком). В сознании Бориса Ивановича темы аспирантских работ вписывались в систему и предполагали изучение последовательных этапов в истории интелли-

генции и всемерное расширение диапазона исследований в рамках одной проблемы. К этой тематике он стал приобщать и тех аспирантов, научное руководство которыми планировалось поручить другим преподавателям кафедры. При этом в выборе темы исследования он учитывал предшествующую профессиональную деятельность, жизненный опыт, даже семейные традиции. До аспирантуры учительница, а позже доцент кафедры истории КПСС Нина Александровна Голубева, вспоминая собеседование накануне вступительных экзаменов в аспирантуру, пишет: «Запомнился его любопытно-заинтересованный взгляд, любезность, внимание. Он встал навстречу мне из-за стола, протянул мне руку и поздоровался со мной. Я это восприняла как уважение ко всем учителям, к профессии учителя. Он расспросил о работе в школе. Может быть, в этот момент "вырисовалась" тема моей будущей диссертации». Действительно, после зачисления Н. А. Голубевой в аспирантуру, ей была предложена тема «Деятельность Коммунистической партии по подготовке учительских кадров в период завершения строительства социализма. 1951—1958гг.», а руководить ее работой по просьбе Б. И. Сандина согласилась доцент Н. А. Зегжда. Доцент П. П. Нижегородов осуществлял руководство работой аспирантки Н. И. Воробьевой над темой «Деятельность КПСС по повышению активности советской интеллигенции в коммунистическом строительстве. 1959—1965гг.», В. В. Фортунатова над темой «Идейно-политическая работа петроградских большевиков среди вузовской интеллигенции в 1921—1925гг.». Некоторые из этих аспирантов после защиты диссертации остались работать на кафедре и в дальнейшем составили ядро ленинградской школы интеллигентоведения. Историей интеллигенции стали заниматься и преподаватели кафедры: Д. А. Егорова, М. И. Сысоев, И. Д. Ходанович.

Примером для них служили публикации самого Бориса Ивановича. В то время в качестве методологической основы исследований, тем более по истории КПСС, использовались идеи классиков марксизма-ленинизма — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Считалось, что диссертанту повезло, если у классиков можно было найти много изречений, которые имели отношение к теме его работы. Вдумчивые исследователи искали у основоположников марксизма идеи действительно методологического

характера и руководствовались ими в анализе исторических фактов, но многие только отдавали дань установившемуся ритуалу цитирования классиков марксизма-ленинизма и руководителей КПСС. Бывало и так, что раздел «методология исследования» соискатель ученой степени мучительно сочинял, когда диссертация была уже написана. Борис Иванович добивался, чтобы аспирант овладел методом марксизма — материалистической диалектикой, постиг особенности **подхода** классиков марксизма-ленинизма к анализу той или иной стороны общественной жизни.

Во второй половине 1950-х годов был сделан первый крупный шаг в десталинизации общественной жизни, и исследователи перестали рассматривать в качестве «методологии» каждое высказывание И. В. Сталина. До этого такой цитатнический подход нанес серьезный ущерб изучению истории интеллигенции, тем более что Сталин высказал ряд ошибочных суждений (определение интеллигенции как прослойки между классами, о дифференциации интеллигенции по отношению к Октябрьской революции, о существе перехода «старой интеллигенции» на позиции советской власти, об идейно-политической монолитности советской интеллигенции в конце 1930-х годов и др.). Однако никто из советских историков даже много лет спустя после XX съезда КПСС публично не подвергал сомнению внедренный И. В. Сталиным в общественное сознание тезис о том, что в СССР построено социалистическое общество, хотя в действительности были заложены только его основы, к тому же при сосуществовании с досоциалистическими и антисоциалистическими чертами. Б. И. Сандин применительно к той проблеме, вокруг исследования которой он мечтал объединить большинство членов кафедры, продолжал считать, что формирование интеллигенции в СССР происходило так, как и должно происходить в обществе, совершающем переход от капитализма к социализму.

В то время предметом непростых дискуссий стал вопрос о том, как интерпретировать негативные явления в советском обществе, связанные с политикой Коммунистической партии. Их изучения требовал принцип объективности, разделяемый учеными. Специалисты по истории КПСС нашли, как им казалось, удачный подход к освещению политики партии, не поступаясь объективностью. По их мнению, она в целом была правильной,

но имелись «некоторые недостатки». Одни из них оправдывались новизной задач, возникших в ходе строительства социализма, другие — объективными трудностями, третьи рассматривались как последствия культа личности Сталина (много позже эвфемизм «культ личности Сталина» был заменен термином «сталинизм», «сталинский политический режим»). Неуклюже пытаясь выйти из противоречия — политика партии правильная, но имелись просчеты и недостатки в ее осуществлении (подлинные масштабы которых ими или игнорировались, или не осознавались), историки КПСС считали, что акцент в исследованиях нужно сделать на обобщении положительного опыта политического руководства обществом. Борис Иванович напряженно искал выход из такой сложной ситуации. Его методологическая рефлексия втягивала преподавателей и аспирантов в научные дискуссии. Их следы становились все отчетливей в публикациях членов кафедры, в том числе, естественно, и в работах самого Бориса Ивановича[5].

Рубежом в его научном творчестве стала опубликованная в 1958г. статья «О подготовке инженерно-технических кадров в годы первой пятилетки», которая по своему объему (40 страниц) могла бы быть изданной в виде отдельной брошюры. Исследование выполнено на основе подхода, который позже получил название междисциплинарного (точнее его можно было бы назвать полидисциплинарным). Если другие публикации Бориса Ивановича выполнены в историко-партийном ключе, то в данной работе выражена и экономическая направленность: подготовку инженеров и техников автор рассматривает как составную часть воспроизводства рабочей силы. В результате в статье раскрывается не только политический фактор (партийное руководство) при подготовке кадров технической интеллигенции, но и обусловленность закономерностями развития советской экономики. Структура статьи отражала ход решения задач подготовки инженерно-технических кадров в том виде, как они выдвигались Коммунистической партией в изучаемый период: развитие сети учебных заведений, укрепление их учебно-материальной базы, подбор профессорско-преподавательских кадров, набор молодежи в вузы и техникумы в соответствии с установленными партией принципами, организация обучения и воспитания молодежи. Впоследствии подобная структура крупных работ по истории формирова-

ния интеллигенции в СССР стала традиционной. Пользуясь междисциплинарным подходом, Борис Иванович рассматривал, как и другие исследователи, подготовку инженерно-технических кадров как создание одной из важнейших предпосылок социалистической реконструкции (модернизации) экономики страны и в то же время указывал, что вовлечение молодежи на учебу в специальные учебные заведения являлось средством удовлетворения одной из важнейших духовных потребностей — потребности в научных знаниях. В таком контексте он, вероятно, первым, или одним из первых, стал оценивать деятельность Коммунистической партии по организации подготовки кадров.

Оценивая в целом названную статью Б. И. Сандина, можно сказать, что в концептуальном отношении и по глубине анализа фактического материала она, по критериям того времени, могла бы стать для него основой докторской диссертации по истории. В ней была удачно использована адекватная предмету методика историко-партийного исследования.

В последующие годы Борис Иванович продвигался в глубь и в ширь исследуемой им проблемы, привлекая к ней своих аспирантов, в том числе и в качестве соавторов. Среди мотивов привлечения молодых ученых у Бориса Ивановича на первом месте стояло стремление помочь аспиранту быстрее овладеть приемами работы с источниками и навыками создания научных текстов. Об опыте работы Б. И. Сандина с аспирантами красочно рассказывает в рукописи своих воспоминаний бывший его аспирант Владимир Васильевич Микшин, позже работавший проректором и заведующим кафедрой истории Герценовского института, с которым они опубликовали совместно написанные тезисы доклада «О формировании Коммунистической партией трудовой технической интеллигенции в годы второй пятилетки». «Я у него первый аспирант, на мне рождался его опыт научного руководства, — пишет В. В. Микшин. — Наверное, он и сам был в поиске. Первоначально временами он чуть ли не буквально “рукой водил”. Моей рукой. Чтобы она на его глазах изменила написанное. Такие куски текста в итоге, конечно, оказывались совместными. Для меня они становились образцом, эталоном дальнейшего самостоятельного анализа и письма». Далее В. В. Микшин вспоминает, как появились их совместные тезисы: «Начался сбор мате-

риалов для очередного выпуска “Герценовских чтений”. Борис Иванович написал тезисы “Объективный характер подготовки технической интеллигенции в период строительства социализма”. Но в силу установленных ограничений объема (не более четырех страниц. — *В. В.*), а может быть, и потому, что осмысление проблемы продолжалось, в завершенный текст вошли не все его выводы. И вот он делится мыслью, которую ему хочется “застолбить” (и именно сей час, спешно), о народном характере нашей интеллигенции с конца 1930-х годов. (В окончательном варианте эта итоговая мысль среди прочего была зафиксирована, в частности, так: “Превращение трудовой технической интеллигенции в общенародную — процесс объективный и определялся характером специального развития советского общества”)… Мое доверие к научному руководителю — абсолютно. Его предложение воспринимаю как указание к немедленному исполнению. Готовлю текст. Он его дополняет и обрабатывает». Между прочим, подобной же методики работы с начинающими исследователями он, как рассказывает доцент Г. К. Шлыкова, тогда студентка исторического факультета, придерживался и в отношении студентов.

Позже Борис Иванович подготовил статьи совместно с аспирантами В. С. Волковым и С. Ф. Клишиным. Особо значимой была статья Б. И. Сандина и С. Ф. Клишина — первая комплексная работа о воспитании студенчества в 1930-е годы[6]. Она оказала сильное, хотя и неоднозначное влияние на историографию этой проблемы в последующие годы.

В процессе работы растущего числа преподавателей и аспирантов кафедры над общей проблематикой закладывались основы того содружества исследователей, которое со временем переросло в герценовскую (ленинградскую) школу интеллигентоведения. В этом отношении показательны две публикации, в которых Б. И. Сандин фигурирует как соавтор, хотя непосредственно в их написании он не участвовал. Во-первых, это статья, опубликованная его аспиранткой Ниной Николаевной Литвиновой в соавторстве со своим научным руководителем[7]. Она работала над диссертацией по истории подготовки инженерно-технических кадров из числа женщин. У Бориса Ивановича была собственная концепция этой темы, он собрал в архивах много материалов, поэтому предложил аспирантке совместно подготовить статью. Од-

нако неожиданная смерть Бориса Ивановича сорвала намеченный план, а на его домашнем письменном столе остались папки с выписками из архивных документов и начало (половина страницы) статьи. Вдова Бориса Ивановича, Инна Борисовна, передала Н. Н. Литвиновой начатую статью и материалы к ней. Мы, трое аспирантов — Литвинова, Клишин и я обсудили сложившуюся ситуацию. Нина Николаевна решила завершить работу над статьей и указать Бориса Ивановича в качестве соавтора. Мы оказали ей помощь, чтобы хотя бы частично заменить научного руководителя, и статья была опубликована.

Вторая публикация, уже большая книга, где Б. И. Сандин был указан в числе авторов, появилась на свет пять лет спустя после его кончины.

История этой книги такова. В 1965—1966 годах Борис Иванович твердо решил в самое короткое время написать монографию «Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров в годы первых пятилеток», которая стала бы основой диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ректорат обещал ему во второй половине 1967г. предоставить творческий отпуск для работы над монографией. Однако использовать эту возможность Борису Ивановичу не было суждено: 1 марта 1967г. его не стало. Однако замысел учителя реализовали его ученики — В. С. Волков, С. Ф. Клишин, В. В. Микшин, А. И. Трусь, которые за 4 года подготовили к печати книгу объемом 16 печатных листов. Она вышла в свет в 1973г.[8] В предисловии к книге, написанном В. В. Микшиным, излагалась история ее написания. В нем говорилось: «Ее общий замысел принадлежит кандидату исторических наук, доценту Борису Ивановичу Сандину, который первым на кафедре начал исследование деятельности партии по формированию социалистической интеллигенции. В 1956—1967 гг. им был опубликован ряд интересных, оригинальных работ, освещающих отдельные аспекты названной темы, которые сам автор рассматривал как подготовку к осуществлению многогранного исследования обобщающего характера. В 1964—1966 гг. им был разработан план монографии “Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров (1928—1937гг.)”, собрано значительное количество историографическо-

го, а также архивного материала, из которого наибольшую ценность представляют документы Центрального партийного и других центральных архивов. Безвременная кончина Б. И. Сандина прервала успешно начатую работу. В данной публикации его ученики делают попытку осуществить замысел своего научного руководителя. В ходе подготовки книги к печати они исследовали тему по частям, самостоятельно разрабатывая соответствующие разделы. При этом были использованы опубликованные Б. И. Сандиным статьи и устные советы, полученные от него в период подготовки ими кандидатских диссертаций… Собранный Б. И. Сандиным фактический материал был дополнен многочисленными документами, извлеченными из ряда местных архивов. На завершающем этапе работы была предпринята попытка свести подготовленные тексты в единый сборник, придав ему вид в известной степени законченного и целостного исследования»[9].

Монография охватывала все основные проблемы развития высшего и среднего технического образования: развитие сети учебных заведений, подбор преподавательских кадров, набор молодежи в вузы и техникумы, организацию обучения и воспитания студентов, изменения в составе инженерно-технической интеллигенции. В ней нашла отражение деятельность учебных заведений всех видов: институтов, техникумов, промышленных академий, заводов-втузов, фабрично-заводских технических курсов, рабочих факультетов, институтов повышения квалификации инженерно-технических работников, вечерних и заочных учебных заведений. Авторы книги представили в действии всех субъектов развития образования: партийно-государственные органы, профсоюзы, комсомол, рабочую общественность, преподавателей и саму учащуюся молодежь. В результате получилась работа энциклопедического характера: в ней читатель мог найти сведения по всем основным вопросам подготовки инженерно-технических кадров. Ее новизна была обеспечена, прежде всего, введением в научный оборот огромного массива источников. Достаточно сказать, что в ней использованы фонды 3 всесоюзных, 3 республиканских, 14 областных архивов, 60 журналов и бюллетеней, свыше 50 центральных и региональных газет, вузовских и заводских многотиражек. Были учтены труды всех предшественников. Для монографии характерен комплексный подход к изучению предмета исследования, ко-

торый позже вошел в практику историко-политической науки. Для того времени это было самое фундаментальное исследование истории подготовки инженерно-технических кадров в конце 1920-х — 1930-е годы. Оно оказало очень заметное влияние на дальнейшее изучение процессов формирования интеллигенции в СССР. В наше время, несмотря на то что концепция книги устарела, добросовестный исследователь истории технического образования не обойдет ее своим вниманием.

Книга вызвала горячее одобрение герценовцев и была воспринята как лучший памятник Борису Ивановичу Сандину.

К 1967 г., когда Б. И. Сандина не стало, уже сложился своеобразный ленинградский интеллигентоведческий генотип, надолго определивший судьбу кафедры истории КПСС. Существенное значение имел и моральный фактор. Борис Иванович обладал замечательными моральными качествами, он оказал огромное нравственное влияние на своих коллег и учеников, которые продолжали и продолжают на протяжении более четырех десятилетий начатые вместе с ним исследования истории интеллигенции, считая это своим долгом перед памятью друга и учителя. О действенности «генотипа» формировавшейся под влиянием Б. И. Сандина интеллигентоведческой школы говорит тот факт, что его преемники на посту заведующего кафедрой — профессора В. П. Сафронов и В. Ф. Шишкин, хотя сами историей интеллигенции специально не занимались, продолжали привлекать аспирантов к интеллигентоведческой проблематике. Под руководством В. Ф. Шишкина, например, были подготовлены оригинальные диссертации С. С. Белошапкиным, И. Е. Никандровой, В. Л. Лебедевой, В. П. Ярошецкой. В 1970-е годы масштабы подготовки специалистов в аспирантуре ЛГПИ им. А. И. Герцена расширились. Наряду с В. П. Сафроновым, В. Ф. Шишкиным, П. П. Нижегородовым, Н. А. Зегждой право научного руководства аспирантами получили перспективные доценты Д. А. Егорова, В. С. Волков, В. В. Микшин (два последних вскоре защитили докторские диссертации). В то время в аспирантуру поступили В. Р. Веселов, В. И. Голдин, И. И. Рогозин, Ю. Н. Яблоков, В. В. Фортунатов, Н. Д. Козлов, ставшие впоследствии докторами наук, и другие способные исследователи. Формирование научной интеллигентоведческой школы в значительной степени было

обусловлено тем, что ученики Б. И. Сандина — В. С. Волков (в 1976—1992 гг.) и В. В. Микшин (в 1992—1997гг.) возглавляли кафедру, а А. И. Трусь в течение ряда лет был деканом исторического факультета. Изучение в институте на кафедрах истории КПСС, истории СССР, научного коммунизма, философии, общей педагогики проблем интеллигенции всячески поддерживали ректор института А. Д. Боборыкин и проректор по научной работе Ю. В. Кожухов. В институте стало действовать во главе с В. С. Волковым межкафедральное объединение по изучению интеллигенции, с которым тесно сотрудничали ученые вузов и научных учреждений Ленинграда, Свердловска, Москвы, Казани, Ростова-на-Дону, Уссурийска, Архангельска и других городов.

Этапными в становлении ленинградской школы интеллигентоведения стали коллективные книги «Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров. 1928—1937 гг.» (Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1973), «Советская интеллигенция. Краткий очерк истории. 1917—1975 гг.» (М.: Политиздат, 1977), отражавшие каждая по-своему черты формировавшейся научной школы. Книга «Советская интеллигенция. Краткий очерк истории» была первым обобщающим исследованием, охватившим весь советский период истории российской интеллигенции, остающимся, к сожалению, до сих пор единственным в таком роде. Близкой по значимости к этим работам была книга В. С. Волкова «Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР» (Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976). В целом основываясь на официальной концепции истории советского общества, эти книги содержали немало новаторских идей, в том числе и методологического характера. В них впервые были четко сформулированы общие и частные закономерности формирования интеллигенции в обществе советского типа и его особенности в СССР. Одновременно в них воплотились и некоторые новые приемы исследования истории интеллигенции.

Ленинградская школа интеллигентоведения складывалась в органической связи со всем научным сообществом, прежде всего с центрами изучения интеллигенции — уральским (лидеры профессора В. Г. Чуфаров и М. Е. Главацкий), новосибирским (лидер профессор В. Л. Соскин) и группой крупных московских историков:

С. А. Федюкиным, В. Т. Ермаковым, Л. М. Зак и др. Названные центры активно сотрудничали, чему содействовал Проблемный совет «Культурное строительство СССР и духовное развитие советского общества» при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР. Советом руководил талантливый ученый и организатор В. Г. Чуфаров. Одно из расширенных заседаний совета, представляющее собой фактически конференцию, проходило на базе ЛГПИ им. А. И. Герцена. Результатом такого сотрудничества явилось повышение статуса издававшихся институтом сборников статей по истории интеллигенции — они стали республиканскими. В постоянно действовавшую редакцию сборников вошли ученые из разных городов: М. Е. Главацкий, Л. М. Зак, М. З. Тутаев, С. А. Федюкин. Редактором являлся В. С. Волков, возглавлявший с 1976г. кафедру истории КПСС ЛГПИ им. А. И. Герцена.

В широком содружестве ленинградских исследователей интеллигенции в 1970—80-х годах сформировались устойчивые черты, которые дают основание считать его ленинградской школой интеллигентоведения. На протяжении этих десятилетий для нее были характерны: постоянное расширение тематики исследований, что служило противовесом распространившейся в 60—70-х годах практики создания «диссертаций-близнецов», как остроумно назвал М. Е. Главацкий работы, выполненные на одну тему на материалах разных регионов; приоритетная разработка методологии и методики исследования истории интеллигенции; установка на выявление закономерностей формирования и деятельности интеллигенции и особенностей этих процессов в отдельных регионах и социально-профессиональных группах интеллигенции; социально-исторический и социально-классовый подходы к изучению темы; стремление рассмотреть прошлое интеллигенции на широком историческом фоне, извлекать из него уроки и акцентировать внимание на положительных сторонах опыта; и другие черты, в том числе социально-психологического и нравственного характера. Так, несмотря на наличие разных ярких личностей, внутри этого сообщества историков не было соперничества и борьбы за лидерство. Наблюдалось стремление к коллективным формам работы, в том числе практиковалось создание общими усилиями крупных совместных работ на основе единой концепции. Общение между отдельными учеными опре-

делялось взаимоуважением, принципиальностью, взаимной требовательностью, что особенно наглядно проявлялось при обсуждении рукописей, диссертаций, в полемике на научных семинарах и конференциях, в поддержке начинающих исследователей.

В эти годы были предприняты попытки изучать не только роль Коммунистической партии в процессе формирования интеллигенции, но и других субъектов этого процесса: ВЛКСМ — работы В. И. Голдина, профсоюзов — работы В. В. Фортунатова, Р. В. Шестаковой. Предметом исследования стало сотрудничество советских республик в подготовке специалистов (Ю. Н. Яблоков, В. Н. Лобанов, А. А. Семин). Самостоятельными предметами исследования стали общественные организации интеллигенции: профессиональные союзы с преимущественно интеллигентским составом (С. С. Белошапкин, Р. В. Шестакова, Д. В. Лобок, В. И. Ходанович), союзы художественной интеллигенции (В. П. Ярошецкая, Г. М. Смирнов, И. Е. Никандрова, А. А. Георгиев), научные и научно-технические общества (Е. А. Козлов, Н. Б. Васильева). В. И. Голдин посвятил ряд работ участию ВЛКСМ в формировании нового поколения интеллигенции. Появились исследования, посвященные деятельности интеллигенции в разных сферах общественной жизни: научно-технического прогресса (С. Г. Береснев, Н. П. Абакумов, М. В. Канивец), народного образования (Н. А. Голубева, И. Д. Ходанович, В. А. Кудинов, М. И. Сысоев, Т. И. Еремина, В. Р. Веселов), высшей школы (А. И. Трусь, М. П. Филиппов, О. Н. Ерошкина), сельского хозяйства (Ф. З. Ходячий, А. В. Воронцов, О. В. Широков), культурно-просветительной работы (З. А. Петрова, Ю. А. Прокофьев), интернационального воспитания населения (Д. А. Егорова, Б. Г. Рожков). Выявились и новые аспекты в изучении студенчества. До 70-х годов студенчество дореволюционного периода рассматривалось преимущественно как самостоятельная общественная сила (такой подход воплощен, например, в работах Н. Я. Олесич и И. И. Рогозина, трудившихся в ЛГПИ им. А. И. Герцена), а советское студенчество воспринималось преимущественно как «предъинтеллигенция», будущие специалисты (публикации А. И. Труся, С. Ф. Клишина, М. П. Филиппова, Н. А. Голубевой и др.). Позже стал реализовываться первый подход и к студенчеству советской эпохи. С оригинальными исследованиями выступили

Е. Э. Грезина (Платова), К. А. Пшенко, теперь уже доктора наук, посвятив их образу жизни студенчества 20—30-х годов XX века.

В работах этого времени стали преодолеваться многие догмы, идущие от сталинских трактовок истории советской интеллигенции. Расширение доступа к архивным источникам способствовало изучению новых сюжетов, более объективному освещению истории. На протяжении 1960—80-х годов исследователями-герценовцами было защищено по интеллигентоведческой тематике около 50 диссертаций, опубликованы монографии В. С. Волковым, Н. А. Голубевой, В. В. Микшиным, М. И. Сысоевым, А. И. Трусем, В. В. Фортунатовым, Р. В. Шестаковой и др. Защитили докторские диссертации бывшие выпускники аспирантуры ЛГПИ им. А. И. Герцена, работающие в других городах: В. Р. Веселов, В. И. Голдин, С. Н. Чернов, С. Н. Рубцов, Ю. Н. Яблоков и др.

Докторами наук стали ленинградцы-петербуржцы, сотрудничавшие с герценовцами, Е. П. Алексеев, Б. П. Белозеров, А. К. Булкин, Н. К. Гуркина, И. А. Кольцов, А. П. Купайгородская, А. А. Курепин, А. В. Лосик. Однако в проводимой исследовательской работе в 1980-х годах все острее стал заметен методологический кризис, являвшийся результатом внедрения идеологами КПСС в общественные науки мифологического представления о советском обществе и жесткого запрета на изучение многих страниц советской истории. В границах, установленных официальными предписаниями, ряд ведущих историков интеллигенции предприняли попытки пересмотреть утвердившиеся в течение десятилетий догмы. В числе первых были и ленинградцы, сознававшие свою ответственность за состояние интеллигентоведения в стране. Толчком к пересмотру методологических основ изучения истории интеллигенции стала статья В. С. Волкова «К научной концепции истории советской интеллигенции» (написана в 1990 г., опубликована в начале 1991 г.). Почти одновременно с аналогичными идеями выступил видный историк из Новосибирска В. Л. Соскин.

Методологический кризис, затронувший ленинградскую-петербургскую школу интеллигентоведения, совпал с радикальными преобразованиями в стране в 1991—1993 годах. Была реорганизована кафедра истории КПСС в Герценовском университете, после чего она утратила свою прежнюю роль в изучении истории интеллигенции, часть ее сотрудников была уволена, некоторые из них отошли от научной работы, аспирантура при кафед-

ре была ликвидирована. Исчезла возможность издавать материалы Герценовских чтений и сборники статей.

Началось постепенное разобщение интеллигентоведов Санкт-Петербурга, хотя приверженность многих из них ранее утвердившимся принципам не исчезла. Самое обнадеживающее явление среди петербургских интеллигентоведов — успешное обновление методологических основ исследований. Избавившись от грубого идеологического диктата власти, получив доступ к ранее закрытым источникам, историки немало потрудились над устранением «белых пятен» в истории интеллигенции, начали более последовательно реализовывать принцип объективности. Стали заметным явлением в историографии интеллигенции публикации молодых докторов наук Н. К. Гуркиной, А. А. Куренина, Е. Э. Платовой, И. А. Кольцова, многих кандидатов наук. Да и ветераны оказались способными сделать шаг вперед в постижении исторической истины. Об этом свидетельствуют изданные в последние годы В. С. Волковым, В. В. Фортунатовым, Е. П. Алексеевым, В. Р. Веселовым книги. В это же время появляются и публикации петербургских исследователей, освещающих историю интеллигенции с позиций либерализма и постмодернизма. Радуют научные достижения воспитанников ленинградской-петербургской школы интеллигентоведения, работающих в других городах, — это В. И. Голдин (Архангельск), В. Р. Веселов (Кострома), Ю. Н. Яблоков (Красноярск), С. Н. Рубцов (Иркутск), С. Н. Чернов (Петрозаводск) и др. Наблюдается перегруппировка научных сил. В частности, многие петербургские историки, занимающиеся интеллигенцией, стали тесно сотрудничать с Проблемным советом Российской Федерации «Интеллигенция. Культура. Власть», руководителем которого является лидер сформировавшейся в 1990-х годах Ивановской научной школы интеллигентоведения профессор В. С. Меметов, и научно-исследовательским институтом интеллигентоведения при Ивановском государственном университете, директором которого является также В. С. Меметов. Петербуржцы — активные участники международных научных конференций, проводимых Проблемным советом и НИИ интеллигентоведения ежегодно, начиная с 1992г.

Среди сотен ученых, посвятивших многие годы изучению российской интеллигенции, не затерялось имя герценовца Бориса Ивановича Сандина. В обобщенном виде его вклад в историче-

скую науку составители словаря «История интеллигенции России в биографиях ее исследователей» оценили в таких словах: «Разработал основы концепции, сформулировал ключевые проблемы истории формирования интеллигенции в СССР, принципиальные методологические вопросы. Обобщил опыт подготовки инженерно-технических кадров. Стоял у истоков ленинградской школы историков интеллигенции»[10].

l j b f _ q Z g b y

[1] *Волков В. С.* Школа историка В. С. Меметова : взгляд из Петербурга // Интеллигенция и мир. 2009. № 2. С. 52—57.

[2] История интеллигенции России в биографиях ее исследователей : опыт энцикл. слов. Екатеринбург, 2002. С. 159—160.

[3] *Волков В. С.* Ленинградская (петербургская) школа интеллигентоведения // Меняющаяся Россия в изменяющемся мире : сб. ст. М. ; Архангельск, 2001. С. 100—112.

[4] Архив Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Д. № 1473— Сандин Борис Иванович.

[5] См., напр.: *Сандин Б. И.* В. И. Ленин и соотношение мирного и вооруженного путей развития революции после разгрома корниловщины // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Л., 1958. Т. 195, вып. 2 ; Мероприятия Коммунистической партии по подготовке хозяйственных кадров без отрыва от производства в годы первой пятилетки // Там же. 1956. Т. 22 ; О подготовке инженерно-технических кадров в годы первой пятилетки // Там же. 1958. Т. 191, вып. 2 ; и др.

[6] *Сандин Б. И., Клишин С. Ф.* Идейно-политическое воспитание специалистов в высшей технической школе (1928—1934 гг.) // Там же. 1967. Т. 283.

[7] *Литвинова Н. Н., Сандин Б. И.* Организационная работа партии по подготовке женских кадров советской технической интеллигенции (1928—1937 гг.) // Там же. Великие Луки, 1969. Т. 327.

[8] *Сандин Б. И., Волков В. С., Клишин С. Ф., Микшин В. В., Трусь А. И.* Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров (1928—1937 гг.). Л., 1973.

[9] Там же. С. 3—4.

[10] История интеллигенции России в биографиях ее исследователей. С. 159.

ДЕБЮТ

ББК 63.3 (4ВЛ) 4-7

Д. В. Кирюхин

ПРИДВОРНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЭПОХИ РАННИХ ТЮДОРОВ И ЕЕ РОЛЬ В ОБУЧЕНИИ И ВОСПИТАНИИ НАСЛЕДНИКОВ КОРОЛЕВСКОГО ТРОНА

В настоящее время изучение королевского двора и его роли в социально-политической, экономической и культурной жизни общества периода Средневековья и раннего Нового времени стало одним из актуальных направлений в мировой исторической науке. Особенно важно, на наш взгляд, появление в отечественной историографии публикаций и научных сборников, посвященных тематике придворной жизни. Королевский двор сыграл исключительную роль в репрезентации власти правящей династии через использование широкой системы символов, художественных и идеологических образов. Он становился своеобразным театром королевской власти, который демонстрировал процедуры коронаций, бракосочетаний, празднеств, церемониал и этикет двора. Помимо этого, репрезентативная функция двора включала в себя создание и поддержание образа монарха, олицетворявшего высшую справедливость и защиту. По воле монарха призванные двором авторы превращали его в центр культуры и искусства. И хотя жизнь двора породила большое количество литературных произведений апологетического и критического толка и стимулировала развитие литературы и поэзии в целом, многие из них в

© Кирюхин Д. В., 2013

Кирюхин Дмитрий Вячеславович — аспирант Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина. bagerlock@gmail.com

подобном ключе еще не рассматривались. Не менее актуальной является проблема обучения и воспитания наследников королевского трона, которой также как придворной культуре двора посвящены публикации и научные конференции. Однако все чаще раскрытие подобных проблем требует привлечения принципиально новых источников.

Наиболее важным из произведений, анализируемых нами, является труд придворного автора Бернара Андре из Тулузы «История жизни и достижений Генриха VII», написанный им предположительно в 1504—1505 и 1507 гг. Невнимание к этому источнику может быть объяснено рядом следующих причин. Во-первых, «История жизни…» не была издана и напечатана при дворе Тюдоров: хотя первоначально король Генрих VII планировал сделать это, позднее для написания истории Англии он решил обратиться к итальянцу Полидору Вергилию[1]. Отчасти причиной тому послужила форма рукописи Андре, которую тот представил ко двору. Хотя автор сам много раз пишет о том, что его труд является «пробой пера» и «черновиком»[2], можно отметить, что сами записи не имеют приоритета суждений, характерного для исторического труда, хронология многих событий нарушена, Бернар Андре оставляет пропуски в тексте в тех местах, где не располагает достаточными сведениями, а сама рукопись переполнена стихотворными отрывками и одами Андре, приводимыми по каждому знаменательному случаю. Однако несомненная важность этого труда в том, что «История жизни…» — это, в первую очередь, подлинная программа и руководство преданному трону англичанину в том, что он должен был думать и чувствовать по отношению к известнейшим личностям и событиям того времени.

Литературные труды другого автора, Джона Скелтона, к сожалению, не могут дать нам такого обширного материала для работы по данной теме. Самыми известными работами Скелтона являются сатирические произведения, критикующие врагов короля, в первую очередь кардинала Уолси, такие как «Говори, попугай» (1491 г.), «Колин Клаут» (1491—1492 гг.) и «Почему вы не явились в суд?» (1492 г.). Несмотря на то, что данные работы Скелтона анализируются, в основном, с литературоведческой и семантической точек зрения[3] и практически не рассматриваются историками, они могут служить лишь доказательствами тезиса о

том, что сам Джон Скелтон являлся придворным автором, чьи произведения, главным образом, были направлены против оппонентов двора.

Следует отметить, что из-за отсутствия более подробной информации по интересующей нас проблеме в приведенных выше источниках кажется принципиально важным привлечение и использование в качестве дополнительной источниковой базы работ самих представителей королевской династии. Такой подход является сравнительно новым, хотя современный английский исследователь Рэймонд Дж. Сименс рассматривает фигуру короля Генриха VIII Тюдора не как английского монарха, а как писателя и поэта, представителя английской творческой интеллигенции[4].

Общеизвестно, что окончание гражданской войны Алой и Белой розы (1455—1485 гг.) в Англии означало победу новой династии Тюдоров: 22 августа 1485 г. в битве при Босворте армия короля Ричарда III Йорка была разбита; Генрих, граф Ричмонд был провозглашен королем на поле боя и 30 октября 1485 г. коронован как король Генрих VII Тюдор. К своему двору король Генрих VII приглашает множество талантливых и известных авторов-иностранцев, и именно они становятся основой новой английской придворной интеллигенции[5], а впоследствии их место займут авторы-англичане. Среди них были как художники, так и поэты, многие выдающиеся гуманисты, которые призывались королем с целью показать английский двор одним из лучших в Европе, а самого короля настоящим монархом Ренессанса, покровителем искусства и культуры. В первую очередь, это были итальянцы Джованни Гигли, папский дипломат и епископ Ворчестера, получивший образование в Оксфорде и написавший эпиталаму на свадьбу Генриха VII, эпиграммы на рождение принца Артура и стихи, посвященные королевскому министру Ричарду Фоксу; поэт Андреа Аммонио, личный секретарь Генриха VII и хороший друг Эразма Роттердамского; Корнелио Вителли, один из первых педагогов, преподававших греческий язык в Оксфорде; Пьетро Кармелиано, служивший при Ричарде III Йорке, но перешедший на сторону Генриха VII; Полидор Вергилий, придворный историк королей Генриха VII и Генриха VIII. Придворный поэт и историограф Бернар Андре становится учителем первого сына короля принца Артура, а позже и будущего короля Генриха VIII

вместе с англичанином Джоном Скелтоном. Новая придворная интеллигенция, таким образом, выполняет при дворе множество функций. Среди них, наряду с пропагандой королевской династии и созданием образа просвещенного монарха и английского двора на политической арене, — развитие культурной жизни, строительство памятников, дворцов, придворные празднества и театрализованные турниры. Далеко не последнее место занимают вопросы обучения и воспитания наследников престола.

В «Истории жизни и достижений Генриха VII» Бернар Андре пишет, что когда будущий король въехал в Лондон 27 августа 1485 г., поэт продекламировал Генриху свою оду на латыни, сочиненную по случаю его прибытия. После этого события король назначает Андре своим придворным поэтом. Бернар Андре занимал две должности при королевском дворе: он был назначен одним из домашних учителей принца Артура в 1496 г.[6] и придворным историком (в заглавии «Истории жизни…» он называет себя королевским историографом — «Historiographus Regius»)[7]. Спустя четыре года он покинул должность домашнего учителя (либо был уволен, либо ушел сам по доброй воле) и, возможно, продолжил свою жизнь в уединении мужского монастыря. Не исключено, что будучи придворным историком, он создал «Историю жизни…» и серию сохранившихся лишь в отрывках ежегодных исторических записей. Эти записи Бернара Андре под заголовком «Анналы Генриха VII» («Annales Henrici Septimi») в одном томе с «Историей жизни…» были напечатаны и отредактированы Д. Гардинером в 1858 г.[8] «История жизни…» является для нас одним из источников, откуда мы могли бы почерпнуть необходимую информацию о процессе обучения молодого принца Артура.

Впервые о принце Артуре Бернар Андре упоминает во вступлении. Автор говорит, что написание «Истории жизни…» напрямую связано с тем, что в момент создания этого произведения сам Андре уже не являлся учителем принца. Возможно, это объясняется женитьбой принца на испанской принцессе Екатерине Арагонской, которая состоялась в 1501 г. Параллельно с обучением принца Андре занимается написанием комментариев к «Граду Божьему» Августина. Как бы то ни было, можно с уверенностью утверждать, что в момент написания параграфов, посвященных принцу Артуру, Бернар Андре уже знал о его внезап-

ной смерти, следовательно, это было после 2 апреля 1502 г. и не послужило причиной прекращения работы над «Историей жизни…»: сам автор в первом параграфе, посвященном принцу Артуру, говорит о его скорой и внезапной смерти, а также пишет, что ему была уготована особая судьба[9].

Кроме од и стихотворений, посвященных принцу Артуру (на рождение принца и на присвоение титула принца Уэльского), «История жизни…» содержит главу «О счастливом успехе его добродетелей», в которой, помимо основных тем пропаганды Тюдоров, мы можем подробнее узнать о самом Артуре. Возможно, Бернар Андре является одним из первых авторов, кто олицетворяет принца с легендарным королем Артуром, а также с небесным созвездием Арктур, — тема, которая была очень популярна в сочинениях сторонников Тюдоров более позднего периода: «Это тот самый день, когда наши современники по всему миру могут созерцать образ великого Артура, воплощенный в маленьком мальчике»[10].

Рассказывая об успехах принца в учении, Андре упоминает, прежде всего, феноменально быстрое освоение Артуром азбуки и называет его первого учителя, некоего мастера Джона Рэда, однако бóльшую часть обучения, по словам Андре, Артур проходит «без какой бы то ни было посторонней помощи»[11]. Андре заменяет предыдущего учителя, который обучал принца до 10 лет. Пожалуй, самое важное и наиболее интересное из того, что касается обучения принца Артура и что описано в «Истории жизни…» Бернара Андре, — это список авторов, которых принц прочел по достижении 16-летнего возраста, то есть непосредственно за 6 лет обучения у поэта. Данный список можно считать своеобразным «оценочным показателем эффективности» работы Андре. Среди них на первом месте — прозаические произведения гуманистов Гуарино Гуарини, Никколо Перотти, Помпонио Джулио Лето, Джованни Сульпицио да Вероли, Лоренцо Валлы и античных авторов, таких как Авл Геллий. Андре также перечисляет авторов поэтических произведений, среди которых античные поэты Гомер, Вергилий, Марк Анней Лукан, Овидий, Силий Италик, Плавт и Публий Теренций Афр. Также упомянуты «Об обязанностях», «Письма», «Парадоксы стоиков» Цицерона; произведения Квинтилиана; «Записки о галльской войне» Гая Юлия Це-

заря; исторические сочинения за авторством Фукидида, Тита Ливия, Гая Светония Транквилла, Корнелия Тацита, Плиния Старшего, Валерия Максима, Саллюстия, Евсевия Кесарийского. Все эти произведения принц «если и не поместил частично в своей памяти, то, как минимум, держал их в руках и прочел своими глазами»[12]. Анализируя этот список, мы видим, что сообщения о каждом из авторов краткие: как правило, имена даны в сокращениях, что, возможно, является показателем известности этих авторов, но может быть объяснено и тем, что «История жизни…» доступна нам лишь в черновых рукописях и не была издана как произведение при жизни Бернара Андре. Такой большой список, несомненно, является поводом для гордости учителя принца, однако, кто из перечисленных авторов оказал наибольшее влияние на Артура, обнаружить вряд ли удастся. Скорее всего, именно гуманисты занимают первые позиции среди остальных лишь потому, что сам Андре является в той или иной мере одним из них.

Очевидно, подобным образом происходило обучение и будущего короля Генриха VIII, хотя у самого Бернара Андре мы, к сожалению, не находим этому никаких подтверждений. Еще одним учителем Генриха VIII был придворный поэт Джон Скелтон. Как пишет английский исследователь Морис Эванс, «он, возможно, один из самых выдающихся поэтов между Чосером и Спенсером, и его творчество находится в точке пересечения между средневековой и гуманистической традициями»[13]. Дата и место рождения Джона Скелтона точно не известны, он родился, предположительно, в начале 1460-х гг. в Йоркшире. Джон Скелтон начал свое образование в Кембриджском университете, откуда затем перешел в университет Оксфорда. В 1488 г. ему был присвоен титул поэта-лауреата (в большей степени по риторике) в Оксфорде, звания лауреата были ему также присвоены в университете Левена в 1492 г. и в Кембридже в 1493 г. Получив известность, в первую очередь, как оратор и переводчик, Скелтон поступил на службу к Генриху VII в конце 1488 г. Первой работой, которую можно отнести к придворным произведениям, является «Элегия на смерть графа Нортумберленда» (1489 г.; примечательно, что подобное поэтическое произведение есть и у Б. Андре в «Истории жизни…»). Скелтон был наставником и учителем принца Генриха, будущего короля Генриха VIII с 1496 по 1501 г., то есть с пяти

лет до достижения принцем 10-летнего возраста. Джон Скелтон также написал книгу по педагогике, озаглавленную «Speculum Principis» (1501 г.), которая, к сожалению, была утеряна. Скелтон получил от короля Генриха звание придворного поэта, а также придворного оратора и несколько других наград и привилегий.

Обратимся теперь к творчеству самого известного ученика Бернара Андре и Джона Скелтона — короля Генриха VIII. Хотя, на первый взгляд, удивительно, что монарх, подобный ему, мог тратить свое время на подобные занятия, общеизвестно, что Генрих VIII является автором многих стихотворений и песен. Несомненно, что учителя Генриха, Джон Скелтон, позже ставший его придворным поэтом (orator regius), и Бернар Андре, остававшийся долгое время его латинским секретарем, воспитали в Генрихе VIII любовь и чувство уважения к литературе. Без этого он вряд ли мог бы себе представить всю важность подобного труда, что, в конечном итоге, послужило созданию традиции придворной литературы и должностей придворных авторов. Как пишет Р. Дж. Сименс, Генрих VIII очень рано понял «важность фигуры писателя и поэта при дворе ранних Тюдоров, а также цену той репутации, которую он получал, знакомясь с авторами-гуманистами с материка. Он также знал, какую славу приносит монарху весть о том, что он имеет некую склонность к литературному творчеству»[14]. Примечательно, что сам король, хотя, по свидетельствам современников, знал латынь, французский и даже, возможно, итальянский языки, писал исключительно на английском, тогда как основным языком придворных авторов служила латынь.

Подобная образованность будущего монарха внушает уважение: не следует забывать, что отец Генриха, являвшийся покровителем многих авторов, не тратил свое время на подобные занятия. Лишь супруга Генриха VII, мать Генриха VIII — Елизавета Йоркская известна как автор лирического стихотворения «Мое сердце пронзила стальная игла», а также нескольких других менее известных стихотворений. Бабушка Генриха, Маргарита Бофор, которая сама заботилась о воспитании юного принца и привлекла к этому Скелтона, самолично перевела часть «Подражания Христу» (Imitatio Christi). Первая супруга Генриха VIII, Екатерина Арагонская, была также вовлечена в поэтическую

жизнь двора, она писала стихи и покровительствовала многим придворным авторам.

Что касается литературного творчества Генриха VIII, то, помимо всего прочего, он сочинил состязание для турнира 1511 г. в честь рождения наследника престола. Известно, что он оставлял пометки на полях в своих собственных книгах и написал не менее двух театральных представлений, музыку для бала-маскарада и песнопения «Quam pulchra es», которое исполняется и по сей день, и «О, Господь, создатель всего» (из Книги Часов). Ему также приписывается авторство трагедии, рассказывающей о гибели Анны Болейн, — книга, которая оправдывает его развод с Екатериной Арагонской, а также более короткие стихотворения, которые были опубликованы как сборник сонетов. Самым красочным примером литературного дара короля, возможно, служит очень популярная и по сей день английская песня «Pastime with good company», сочиненная Генрихом VIII: «Веселиться средь друзей / Я буду до скончанья дней. / Мне никто не запретит, / И Богу это не претит. / Оленя гнать, / Петь, танцевать / Я сердцем рад. / Среди забав / Мой легок нрав, / Мне нет преград»[15].

Подводя итоги, вклад Бернара Андре и Джона Скелтона как педагогов можно оценить следующим образом. Во-первых, система обучения наследных принцев состояла из двух этапов. Первый из них проходил с 5 до 10 лет, когда ученик овладевал основами языка и грамматики под руководством одного учителя. Затем с 10 до 16 лет принц знакомился с наиболее значимыми литературными и поэтическими произведениями античности и Средневековья, основами придворной поэзии. Так как Бернар Андре и Джон Скелтон обучали принцев в разном возрасте, то нельзя каким бы то ни было образом сравнивать их педагогическое мастерство. К сожалению, недостаток источников и сообщений о принце Артуре, скончавшемся в 1502 г. в возрасте 16 лет от потливой лихорадки, позволяет опираться только на сведения самого Андре, которые он сообщает в тексте «Истории жизни и достижений Генриха VII». Раскрывшийся же творческий потенциал короля Генриха VIII кажется вполне явным доказательством труда его учителей — придворных поэтов. Как справедливо отмечает Р. Дж. Сименс, уникальность стихотворений Генриха не столько в темах, которые он использует (любовная лирика или

рыцарская тематика), сколько в очень ярком образе лирического героя-монарха, который мы находим в них. Литературное и драматическое творчество самого Генриха VIII является своего рода эволюцией взаимоотношений короля с его двором и участия в придворной жизни. Если раньше король Генрих VII только контролировал подготовку к турнирам и празднествам, о чем свидетельствуют хроники и данные счетных книг, то теперь сам английский монарх являлся автором и стихов, и песен, положительно воспринятых простым народом, и турнирных представлений, занимая таким образом активную позицию в рядах творческой интеллигенции своей эпохи.

Примечания

[1] *Vergil P.* Anglica Historia, Latin Text and English Translation in the Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute. URL: http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/ (дата обращения: 25.11.2012).

[2] *André B.* De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia. Par. 1. URL: http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/ (дата обращения: 25.11.2012).

[3] *Evans M.* John Skelton and early Tudor poetry // English Poetry in the Sixteenth Century. New York, 1967. P. 184.

[4] *Siemens R. G.* Henry VIII as Writer and Lyricist. 2009. URL: http://web.uvic.ca/~siemens/pub/MQ2009.pdf (дата обращения: 25.11.2012).

[5] Термин «интеллигенция» в данном контексте рассматривается нами в традиционном значении, обозначающем общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры.

[6] *André B.* Op. cit. Par. 2.

[7] Ibid.

[8] *André B.* Historia Regis Henrici Septimi a Bernardo Andrea Tholosate Conscripta, necnon Alia Quaedam ad Eudem Regem Spectantia. London, 1858. P. 450.

[9] *André B.* De Vita atque Gestis… Par. 48.

[10] Ibid. Par. 50.

[11] Ibid.

[12] Ibid.

[13] *Evans M.* Op. cit. P. 39—60.

[14] *Siemens R. G.* Op. cit.

[15] Pastime with Good Company. URL: http://page.divo.ru/lukas/perevod/Henry8_St1.html (дата обращения: 25.11.2012).

ББК 74.03(2)-4

М. М. Волобуева

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБФАКОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ 1920—30-х ГОДАХ

Рабочие факультеты в РСФСР были учреждены постановлением наркомата просвещения от 11 сентября 1919 года[1]. Их целью была объявлена подготовка рабочих и крестьян для поступления в высшую школу. Кроме того, они были призваны решить задачу воспитания активных и преданных стране граждан. Нужно отметить, что многие представители «старой» интеллигенции негативно отнеслись к созданию рабфаков. Прежде всего, их пугало то, что на смену им придут малоквалифицированные, недостаточно образованные молодые люди, способные лишь выполнять приказы.

Целью нашей работы является изучение места и роли рабочих факультетов в деле подготовки рабочих и крестьян для поступления в высшую школу.

Деятельность рабочих факультетов была объектом пристального рассмотрения многих исследователей. Особого внимания заслуживают работы Н. М. Катунцевой, Р. Г. Демидова, Л. В. Кривцуна[2], которые были изданы еще в 1960—70-е годы. В 1990—2000 годы появились авторы[3], сосредоточившие свое внимание на изучении деятельности рабочих факультетов отдельных регионов (Иваново, Сибирь, Казань, Чувашия). Однако история рабфаков Верхнего Поволжья исследована лишь фрагментарно. Наша работа призвана восполнить существующие пробелы.

На территории Верхневолжья было 9 рабочих факультетов. Самый первый из них был открыт в 1920 году при Иваново-Вознесенском политехническом институте и просуществовал до 1930 года. Именно с 1930 года, только на территории Ивановской

© Волобуева М. М., 2013

Волобуева Марина Михайловна — аспирантка кафедры новейшей отечественной истории Ивановского государственного университета. marina-volobueva@mail.ru

области их было открыто шесть и по одному в Ярославле, Костроме и Владимире.

Согласно правилам приема от 1928 года[4], на рабочие факультеты принимались лишь выходцы из рабочих или крестьян, проработавшие в качестве наемных рабочих в промышленности, сельском хозяйстве или на транспорте от 3 до 6 лет.

На рабфаки принимались выпускники школ первой ступени, фабрично-заводских училищ, школ-семилеток и школ-четырехлеток. В 1928—1930 годах на рабочие факультеты поступало до 58 %[5] выпускников сельских школ, знания которых можно назвать в лучшем случае фрагментарными. В результате, студенты рабфаков часто не имели возможности усвоить весь необходимый материал. Большая часть тех, кто поступили на рабочие факультеты после окончания сельских школ, не могли завершить обучение. Именно поэтому дирекция рабфаков при наборе студентов делала выбор в пользу выпускников школ-семилеток и фабрично-заводских училищ. Распространенностью такого подхода можно объяснить то, что в 1931 году не было ни одного выпускника рабфака, окончившего сельскую школу.

Вплоть до 1932 года абитуриентов, которые закончили школы первой ступени, было подавляющее большинство — вплоть до 80 %[6]. С 1930 года увеличивается приток студентов, которые закончили фабрично-заводские училища, дававшие ученикам не только общую образовательную, но и профессиональную подготовку. К 1934 году большую часть учеников рабфаков — до 50 % составляли выпускники школ-семилеток и школ-четырехлеток[7].

Согласно установленным правилам приема, поступающие должны уметь выполнять элементарные арифметические действия, а также читать и пересказывать текст. Однако испытания не были конкурсными. Они лишь определяли, сможет ли учащийся справиться с теми предметами, которые будут преподаваться на рабфаке.

Довольно скоро стало ясно, что такая система негативно сказывается на подготовке студентов. В связи с этим с 1935 года стали предъявляться более серьезные требования к поступающим на рабочие факультеты. Теперь учащиеся должны были уметь производить сложение и вычитание десятичных дробей, определять процентное соотношение, находить часть от целого, выде-

лять подлежащее и сказуемое, второстепенные члены предложения[8]. Предпочтение при поступлении на первый курс отдавали тем, кто окончил четырехлетнюю школу. Те, кто окончил семилетнюю школу, имели право поступить на последующие курсы.

На протяжении 1920—30-х годов менялись требования к социальному составу учащихся. Так, например, в 1928 году большинству провинциальных рабфаков предписывалось увеличить количество принятых на обучение индустриальных рабочих до 50 % от всего состава[9]. Таким образом, складывалась четкая система комплектования, в основу которой была положена социально-классовая принадлежность студентов.

Большинство исследователей[10] при изучении истории рабочих факультетов пришли к выводу о преобладании в конце 1920-х — середине 1930-х годов среди учащихся представителей пролетариата. Их количество значительно превосходило количество крестьян и служащих. Но С. А. Красильников пишет о том, что в 1920-е годы происходил процесс не чистой «пролетаризации», а скорее «демократизации». Дело в том, что доля выходцев из рабочих и крестьян среди поступающих составляла 65 %, а среди выпускников — 43,5 %. В то же время, доля выходцев из среды служащих составляла 32 %, а среди выпускников — 50,8 %[11]. На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что доступ на рабочие факультеты был открыт не только рабочим и крестьянам. Наравне с ними на рабфаках учились также представители интеллигенции (служащих). При этом они имели возможность поступить в вуз после окончания обучения на рабочем факультете.

Обратим более пристальное внимание на социальный состав рабочих факультетов Верхневолжья. В 1928 году количество рабочих среди учащихся рабфаков региона было небольшим по сравнению со средним по стране (35,5—38 %[12]). В рамках процесса индустриализации на территории Верхней Волги началось активное строительство фабрик и заводов, рабочие которых профсоюзными организациями направлялись для обучения на рабочие факультеты. В результате происходит увеличение количества рабочих среди студентов рабфаков. Так, в 1933 году среди учащихся рабфаков Верхневолжья числилось 84,6 % рабочих[13]. В то же время аналогичный показатель по стране составлял 45—49 %[14].

Количество крестьян на рабочих факультетах Верхней Волги было небольшим и составляло всего 2,5—2,7 % всех учащихся[15]. Более того, в 1930—1932 годах этот показатель становится еще ниже, что в целом отражало тенденцию, характерную для всей страны. Дело в том, что стремились к обучению лишь те, кто планировал остаться жить в городе, остальные же не были заинтересованы в учебе.

Несколько слов нужно сказать также о возрасте студентов. Основываясь на анализе годовых отчетов и списков студентов рабфаков[16], можно сделать вывод о том, что возраст большинства учащихся в период конца 1928—1931 годов составлял 21—25 лет. Их количество насчитывало 60—70 % от общего числа студентов[17]. Преобладание среди рабфаковцев зрелых учащихся можно было объяснить условиями приема, в частности требованием наличия производственного стажа сроком не менее трех лет. В 1934 году на рабфаках Верхневолжья стали преобладать учащиеся в возрасте от 18 до 22 лет; их количество колебалось в пределах от 48 до 94 % от общего состава учащихся[18]. «Омоложение» рабфаков, на наш взгляд, было связано с тем, что они стали выполнять функции общеобразовательной школы, которая являлась ступенью к получению высшего образования.

С 1928 года усиливается роль партийных и комсомольских организаций на рабфаках. В это время фактически был введен принцип отбора учащихся по партийной принадлежности, что было вызвано, прежде всего, необходимостью в короткий срок подготовить специалистов, которые заменили бы на руководящих должностях старую, «неблагонадежную» интеллигенцию. Представители партийно-комсомольской организации должны были принимать активное участие в воспитании рабочих в духе марксистско-ленинской идеологии. В результате с каждым годом крепло партийно-комсомольское ядро.

В 1929—1931 годах в Верхневолжье было зафиксировано самое большое количество студентов — членов партии ВКП (б). Их число достигало 49—32 % от общего количества учащихся[19]. Однако в дальнейшем эти цифры неуклонно снижаются до 3,8—1,5 %[20]. Этот процесс можно объяснить тем, что в 1932—1933 годах происходит понижение возрастного состава слушателей. «Омоложением» состава учащихся вузов можно объяснить

постоянный рост количества комсомольцев на протяжении всего рассматриваемого периода с 35 до 89,2 %[21].

На рабфаках происходит увеличение числа беспартийных студентов: с 19 % в 1928 году до 51 % в 1940 году[22]. Данную тенденцию можно объяснить снижением контроля со стороны партийного и советского руководства за принадлежностью учащихся.

Количество женщин на рабочих факультетах Верхневолжья было сопоставимо с аналогичными показателями в других регионах. Так, например, в 1929 году на рабфаках Москвы обучалось 16,9 % женщин, на рабфаках Верхней Волги — более 20 %[23]. В дальнейшем ситуация изменилась. В 1936 году в стране на рабочих факультетах обучалось 39,5 % женщин, а на рабочих факультетах Верхней Волги — 30 %[24]. Увеличение числа женщин среди учащихся за период 1929—1936 годов было незначительным. Это связано с тем, что советское правительство перестало пристально следить за увеличением численности женщин на рабфаках.

Стоит отметить, что количество женщин на рабочих факультетах, в том числе и на Верхней Волге, медленно, но неуклонно росло. Прежде всего, это было связано с тем, что советское правительство пыталось (и небезуспешно) изменить положение женщин в обществе, дав им образование и профессию.

В учебных планах Верхнего Поволжья большое значение придавалось изучению обществоведческих дисциплин. Так, из 13 предметов 8 относилось к данному циклу[25]. Обществоведческие дисциплины, в число которых входили такие предметы, как история, политическая грамота и политическая экономия, должны были способствовать формированию общественно-активной личности. Но изучение этих дисциплин часто шло в ущерб изучению естественнонаучных и специальных дисциплин. На данный изъян в учебных планах рабфаков было указано в газете «Правда», что в дальнейшем способствовало увеличению количества часов, отведенных на изучение специальных дисциплин.

Несмотря на изъятие из учебных программ таких дисциплин, как политическая грамота и история классовой борьбы, учебные программы не стали менее политизированными. Вместо них были введены история ВКП (б) и Конституция СССР. Согласно учебным планам Костромского рабфака, при Ивановском текстильном институте на изучение данных дисциплин отводился

целый год на последнем курсе. Однако количество часов, выделенных на эти предметы, было сравнительно небольшим. Так, например, на изучение истории ВКП (б) отводилось 50 часов, в то время как на математику — 812 часов, русский язык — 696 часов[26]. Очевидно, что в учебных планах остались дисциплины, призванные политически воспитывать рабфаковцев, но это делалось не так интенсивно, как в 1928—1932 годах.

Что касается успеваемости студентов, то нужно сказать, что она была невысокой и колебалась от 66 % в 1928 году, до 84 % в 1938 году[27]. Самой распространенной оценкой было «удовлетворительно». Исходя из данных об успеваемости, можно сделать вывод о том, что качество образования выпускников рабфаков было низким. Об этом свидетельствовали отчеты приемных комиссий втузов, которые заявляли об отсутствии необходимых базовых знаний у рабфаковцев. Часто низкая успеваемость объяснялась большой загруженностью студентов, ведь многие из них после тяжелого рабочего дня должны были выполнять домашние задания.

Учащиеся вечерних рабфаков показывали лучшую успеваемость по сравнению со студентами дневного обучения, так как они имели большой стаж, высокую квалификацию, закалку, опыт участия в соцсоревнованиях. Они и в учебе пытались достигать высоких результатов.

Отдельно нужно сказать об оценках на выпускных экзаменах, среди которых было много неудовлетворительных. Например, на Владимирском текстильном рабочем факультете в 1934 году их количество составило 6,2 %, а в 1937 году — 11 %[28]. В то же время количество студентов, получавших отличные оценки, было ничтожно мало. Их число в разные годы колебалось от 1,4 до 5,3 %. Оценка «удовлетворительно» и на выпускных экзаменах оставалась самой распространенной: ее ставили от 59 до 69 % учащихся[29]. Получению знаний мешала чрезмерная нагрузка рабфаковцев на предприятиях и неправильно выбранный метод преподавания. На выходе такой выпускник имел пробелы в знаниях, которые затрудняли его обучение во втузе.

Анализ источников говорит о том, что́ негативно отразилось на качестве знаний учащихся Верхневолжского региона: переход на трехсменный график труда, длительные командировки,

перегруженность основной и общественной работой. Поскольку руководство предприятий не соглашалось трудоустраивать студента, часто рабфаковцы не могли найти работу.

Тяжелое материальное положение также сказывалось на успеваемости, а значит, и на количестве отчислений. В отдельных случаях студенты проживали в общежитиях, которые содержались фактически в антисанитарных условиях, часто без света, прачечной, столовой.

Дирекции рабфаков пытались снизить количество отчислений. В частности, руководители рабфаков вели переговоры с директорами предприятий, которых в некоторых случаях удавалось убедить пойти на уступки и принимать на работу студентов.

Для повышения успеваемости преподаватели назначали бесплатные дополнительные занятия, консультации, предлагали неуспевающим дополнительные задания во внеурочное время, проводили беседы, организовывали декады ликвидации неуспеваемости, неуспевающих объединяли в группы, прикрепляли слабых студентов к сильным, организовывали группы взаимопомощи[30].

Повлиял на подготовку учащихся и метод преподавания — бригадно-лабораторный, который был введен советским правительством в 1928—1929 годы и мыслился как замена лекционной подачи материала. Новшеством было то, что преподаватель не должен был объяснять материал; на него возлагались лишь функции контроля выполнения текущих и итоговых заданий. Также он должен был оценить навыки и знания, которые рабфаковец получил в течение семестра.

От студентов, которые работали в бригадах, требовалось изучить новый материал и выполнить необходимые задания. Учащийся сам должен был усвоить материал, опираясь лишь на поддержку со стороны бригадира или участников бригады. Введение бригадно-лабораторного метода было обусловлено желанием привить студентам навыки самостоятельной работы, выработать у них умение устно и письменно формулировать мысли, научить работать в коллективе, помочь студенту применять знания на практике. Частично эти цели были достигнуты.

Однако бригадно-лабораторный метод имел и недостатки. Часто задания, адресованные всей бригаде, выполнялись одним студентом. Еще чаще студенты делили задание по частям на всех.

В результате учащиеся получали фрагментарные знания. Кроме того, основная часть работы выполнялась дома, поскольку в классе под общий шум невозможно было сосредоточиться. В итоге недостатков у бригадно-лабораторного метода оказалось больше, чем достоинств. Он изначально базировался на ошибочной идее равнения на слабого студента и оказался малоэффективным во многом именно по этой причине. Кроме того, он снижал ответственность со стороны каждого отдельного члена бригады, перенося ее на коллектив в целом. Бригадно-лабораторный метод был отменен в 1932 году, и основной формой проведения занятий на рабфаке была признана лекция, которая прерывалась проработкой пройденного материала. Это позволяло улучшить успеваемость.

Проверка знаний осуществлялась путем беседы с преподавателем, проработкой материала по учебникам, демонстрацией опытов, проведением проверочных работ, академических боев и конференций. Перед преподавателем ставилась задача организовать не только индивидуальную, самостоятельную работу студентов, но и коллективную. Лабораторные работы проходили под руководством преподавателя. Учащиеся получали индивидуальные и групповые задания для самостоятельного выполнения[31].

Лабораторные работы проводились по таким дисциплинам, как физика, химия, биология, география и литература. Основное внимание обращалось на выработку навыков конспектирования. Новшество методов заключалось в том, что преподаватели должны были больше времени уделять проработке и закреплению учебного материала. Акцент был перенесен с освоения за короткий срок большого количества материала на получение учащимися фундаментальных знаний.

Качество знаний учащихся во многом зависело от преподавательского состава. Здесь важными показателями, на наш взгляд, были образование и педагогический стаж. В 1931 году на рабфаках преобладали преподаватели со средним образованием. Так, из 34 педагогов Владимирского рабфака при Ивановском текстильном институте среднее образование имели 19 человек[32]. Данная тенденция была вызвана тем, что преподаватели втузов не желали обучать рабфаковцев. Их, в первую очередь, пугал низкий уровень подготовки учащихся. К 1935 году количество преподавателей с высшим образованием на рабфаках Верхневолжья стало

в два раза больше, чем со средним. Например, на Ярославском рабфаке при Ивановском энергетическом институте соотношение педагогов с высшим и средним образованием в 1930 году было 32:1, а в 1934 году — 16:2[33].

Стаж преподавателей рабфаков Иванова составлял в среднем 10—15 лет. Самыми опытными были педагоги Владимирского рабфака со средним стажем 20—25 лет. При этом их средний возраст в Иванове составлял 35—39 лет, во Владимире — 40—49 лет, а в Ярославле — 24—29 лет[34].

Преподаватели рабфаков имели хорошее образование и большой педагогический опыт, который позволял дать хорошие фундаментальные знания, но этому мешали учебный план и отсутствие базовой подготовки учащихся.

Подведем итоги нашего исследования. Роль рабочих факультетов сложно переоценить. Именно они позволили рабочим и крестьянам подготовиться к поступлению в высшие учебные заведения. По сути, рабфаки расширили жизненный горизонт, дали возможность подняться вверх по социальному лифту тем, кто прежде подобной возможности не имел. Разумеется, они не были лишены недостатков. На наш взгляд, минусы в их деятельности связаны, прежде всего, с тем, что в стране не было опыта систематического обучения рабочих и крестьян. В 1920-е годы еще полным ходом шла ликвидация безграмотности. Большая часть населения страны в это время не имела даже полного среднего образования. Организация рабочих факультетов в данных условиях была смелым шагом, вызванным необходимостью в специалистах из рабоче-крестьянской среды. Подготовка кадров через сеть рабфаков позволила заменить на командных должностях представителей «неблагонадежной» интеллигенции. Необходимостью следовать линии партии было вызвано и внедрение таких предметов, как политическая экономия, история ВКП (б) и др. Практика показывала, что уменьшение количества обществоведческих дисциплин в учебном плане, увеличение наглядности положительно отражались на подготовке студентов, позволяли добиваться более высоких результатов в обучении.

Необходимо назвать еще один фактор, который негативно сказывался на деятельности рабочих факультетов. Они должны были решить слишком много проблем: принять и подготовить в

короткие сроки рабоче-крестьянскую молодежь для поступления в вузы, воспитать у студентов политическую грамотность и активность, внедрить в учебный процесс новые методы преподавания. Учебные заведения не могли сразу решить все проблемы, часто опыт накапливался путем проб и ошибок. Не случайно правила приема, учебные планы, требования к студентам неоднократно менялись на протяжении всего рассматриваемого периода.

Однако в целом рабочие факультеты справились с главной задачей — подготовкой в кратчайшие сроки рабочих и крестьян для поступления в высшую школу. Их роль, безусловно, была положительной.

Примечания

[1] Педагогическая энциклопедия : в 4 т. М., 1964. Т. 1. С. 280.

[2] *Демидов Р. Г., Кривцун Л. В.* Социалистическая индустриализация и рост культурно-технического уровня трудящихся центрального Черноземья (1928—1941). Воронеж, 1978 ; *Катунцева Н. М.* Роль рабочих факультетов в формировании интеллигенции СССР. М., 1977.

[3] *Волкова Т. А.* Рабочие факультеты в практике развития советской высшей школы в 1920—1930 г. // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 12 ; *Котлова Т. Б.* К вопросу о демократизации высшего технического образования (конец 1920-х — начало 1930 года) // Интеллигенция в политической истории XX века : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1993. С. 68 ; *Красильников С. А.* Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 — середине 1930-х гг. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1995. С. 25.

[4] Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 1067. Оп. 3. Д. 1182. Л. 18.

[5] Там же. Д. 1276. Л. 15 ; Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. 1590. Оп. 1. Д. 682. Л. 37.

[6] ГАИО. Ф. 1910. Оп. 40. Д. 25. Л. 4.

[7] Там же. Л. 8.

[8] Там же. Ф. 1590. Оп. 1. Д. 66. Л. 87.

[9] *Егоров Н. С.* Учебный процесс на рабфаке // Народное просвещение. 1927. № 6. С. 11 ; *Будник Г. А.* У истоков социально-экономического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института (1918—1922 гг.) // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2011. № 1. С. 133.

[10] *Катунцева Н. М.* Указ. соч. ; *Сергачев И. А.* История создания и деятельность рабочих факультетов в вузах Центрального Черноземья (1919—

1930 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 15 ; *Котлова Т. Б.* Указ. соч. С. 68.

[11] *Красильников С. А.* Указ. соч. С. 25.

[12] ГАИО. Ф. 1910. Оп. 40. Д. 25. Л. 17 ; Подготовка кадров в СССР. М., 1934. С. 115.

[13] ГАИО. Ф. 1910. Оп. 40. Д. 25. Л. 24.

[14] Подготовка кадров в СССР. С. 115.

[15] ГАИО. Ф. 1910. Оп. 40. Д. 27. Л. 12.

[16] ГАИО. Ф. 1590. Оп. 1. Д. 7. Л. 14 ; Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО). Ф. 829. Оп. 1. Д. 119. Л. 4 ; ГАВО. Ф. 1067. Оп. 3. Д. 1276. Л. 19.

[17] ГАЯО. Ф. 829. Оп. 2. Д. 174. Л. 39 ; ГАВО. Ф. 1067. Оп. 3. Д. 2093. Л. 125 ; ГАИО. Ф. 1590. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

[18] ГАЯО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 117. Л. 7 ; ГАВО. Ф. 1067. Оп. 3. Д. 1277. Л. 8 ; ГАИО. Ф. 1911. Оп. 2. Д. 16. Л. 19.

[19] ГАВО. Ф. 1067. Оп. 4. Д. 19. Л. 45 ; ГАИО. Ф. 1910. Оп. 40. Д. 25. Л. 14.

[20] ГАИО. Ф. 1910. Оп. 40. Д. 25. Л. 16.

[21] ГАЯО. Ф. 829. Оп. 2. Д. 177. Л. 7 ; ГАИО. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

[22] ГАИО. Ф. 1910. Оп. 40. Д. 25. Л. 14 ; ГАВО. Ф. 1067. Оп. 4. Д. 17. Л. 37 ; ГАЯО. Ф. 829. Оп. 3. Д. 18. Л. 4 ; Государственный архив Костромской области (далее — ГАКО). Ф. 1288. Оп. 1. Д. 121. Л. 3.

[23] ГАЯО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 119. Л. 28 ; ГАВО. Ф. 1067. Оп. 2. Д. 1275. Л. 47.

[24] *Катунцева Н. М.* Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян. М., 1977. С. 85 ; ГАЯО. Ф. 829. Оп. 2. Д. 241. Л. 41 ; ГАВО. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 1265. Л. 36.

[25] ГАЯО. Ф. 829. Оп. 2. Д. 20. Л. 10.

[26] ГАКО. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 121. Л. 5.

[27] ГАЯО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 119. Л. 14 ; ГАВО. Ф. 1067. Оп. 3. Д. 1093. Л. 16.

[28] ГАВО. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 2023. Л. 45.

[29] Там же. Д. 23. Л. 45.

[30] ГАИО. Ф. 2211. Оп. 1. Д. 39. Л. 14.

[31] ГАИО. Ф. 2377. Оп. 1. Д. 8. Л. 21.

[32] ГАВО. Ф. 1067. Оп. 3. Д. 1669. Л. 13.

[33] ГАЯО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 45. Л. 34.

[34] ГАИО. Ф. 1590. Оп. 1. Д. 90. Л. 20 ; ГАВО. Ф. 1067. Оп. 3. Д. 1138. Л. 12 ; ГАЯО. Ф. 829. Оп. 2. Д. 45. Л. 17.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ — ЭТО КРИТИЧЕСКИ ВЗГЛЯНУТЬ НА СВОЮ ЖИЗНЬ (интервью И. Н. Стрекалова с А. В. Квакиным)

1 мая 2013 г. профессору, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику кафедры истории Российского государства факультета государственного управления МГУ А. В. Квакину исполняется 60 лет. Андрей Владимирович — член Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, член Проблемного совета РФ «Интеллигенция, культура, власть», с 1992 по 2012 г. — ведущий научный сотрудник Сектора истории культуры Российского Зарубежья Российского института культурологии Министерства культуры РФ, член редакционного совета Российского междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир». В преддверии юбилея публикуем беседу о состоянии исторической науки и современной жизни с настоящим специалистом в области истории российской интеллигенции.

И. Стрекалов: Андрей Владимирович, каково Ваше мнение о том, зачем человеку нужно изучать Историю?

А. Квакин: О значении изучения истории, и в частности истории нашего государства, обычно говорю студентам на вводной лекции по курсу истории Отечества. На мой взгляд, История как наука (не житейские байки, а настоящие, достоверные научные

© Квакин А. В., Стрекалов И. Н., 2013

Квакин Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского государства Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Стрекалов Илья Николаевич — студент юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, корреспондент Центра СМИ МГУ им. М. В. Ломоносова. strek93@mail.ru

изыскания) позволяет, прежде всего, критически посмотреть на самые разные процессы. Изучив историю, можно критически взглянуть на свою жизнь, на то, что прожито твоей семьёй и страной, в которой ты живёшь, в чём я не раз убеждался на личном опыте. Что значит «критика»? Критика часто сегодня считается изъяном — её многие воспринимают как вечный поиск недостатков, «опозоривание» даже самого хорошего. Из-за такого массового представления люди начинают говорить «только о хорошем» — совершенно так же, как это делает у нас большинство современных СМИ. Критиковать, по мнению большинства людей, плохо и потому, что когда ты стараешься критически что-то осмыслить, то тебя сразу записывают в так называемые «критиканы» — от этого становится досадно. Но ведь мы должны, как мне кажется, прежде всего, понять, что История — синоним слова «Критика». История должна быть объективно рассмотрена, хотя бы для того, чтобы не наступать на одни и те же грабли. А что мы видим в жизни? Я каждый день внимаю современному повседневному сознанию и, будучи историком, легко определяю знакомые «грабли». Вот, например, бабулька, которая изрекает: «Сталина на вас нет!». Знает ли она, о чём говорит? Или взять уже исторический опыт: фашисты в Германии говорили о превосходстве одной нации над другими, которые должны были быть уничтожены; коммунисты в СССР — об уничтожении «агентов мирового капитала». Но ведь мы должны понять простую вещь: уничтожение одних другими не приводит ни к чему хорошему, бессмысленно раскалывать общество и государство. Наступление на такие «грабли» недопустимо в будущем — так говорит наука История, в том числе и История Отечества.

И. С.: Вы изучаете историю российской интеллигенции. Что Вы вкладываете в понятие «интеллигент»?

А. К.: Говоря об интеллигенции той или иной исторической эпохи, мы должны обязательно обратить внимание на историческую ситуацию данного периода. Не так давно был проведён социологический опрос среди населения о том, каким должен быть представитель интеллигенции — около 60 % респондентов заявили, что интеллигент не обязательно должен иметь высшее образование. Почему так? В связи с рядом событий в последние годы были выявлены факты, связанные с «псевдонаукой» — фальши-

вые диссертации и пр. Сам по себе факт того, что человек «купил» диссертацию, говорит о его лживости, аморальности. Говоря же об интеллигенции, люди, прежде всего, представляют себе некий важный морально-этический образ, набор соответствующих качеств, вежливого и воспитанного человека. Безусловно, быдло не любит интеллигентов. Будучи военнослужащим в составе Группы советских войск в Германии в 1975—1976 гг., я слышал множество фраз от сослуживцев типа «Ты что, слишком умный?». Не осуждаю таких людей. У каждого своя жизнь и свои представления о том, что такое интеллигенция, и это нужно понимать. Понимание интеллигенции у каждого своё. Если Вы откроете какую-либо из моих книг, то увидите, что я ссылаюсь на понимание интеллигенции по переписям населения различных лет, и при этом оговариваюсь, что исхожу из такого-то понимания. Просто поразительно, что, знакомясь с мемуарами, документами личного происхождения, дневниками, частными письмами изучаемой личности, ты узнаёшь её совершенно по-иному, не так, как это представляют нам те же образовательные стандарты или устоявшиеся веками в исторической науке представления: в документах личного происхождения часто знакомый всем в официальном обличии человек уже предстаёт совсем другим! В моём представлении Интеллигент — это тот, кто критично относится не только к окружающим, но и к себе, постоянно стремится заниматься творчеством в любой сфере деятельности.

И. С.: Расскажите, пожалуйста, о своём научном пути историка.

А. К.: На формирование меня как учёного-историка оказали влияние несколько человек — мои Учителя, за что я всегда с добротой вспоминаю о них. Первым был профессор Николай Васильевич Ефременков, который вёл в нашем Тверском университете курсы по историографии и источниковедению. Именно при сдаче экзамена по этим курсам (а ведь на экзамене ты и осознаёшь обычно всю суть того, что говорил преподаватель!) я понял: история — не набор исторических баек и занятных историй, а к источникам о людях и событиях нужно подходить критически. Почему одним историкам я верю, а другим — нет? Дело не в классовом подходе, который был в советское время, где всё делилось правящей Коммунистической партией на «плохое» и «хоро-

шее», — историк должен изучать источники. До экзамена по курсу я был ригидным студентом, но после курса профессора Н. В. Ефременкова стал понимать: если читаю порой книги, где автор ни на кого не ссылается — это как? Стал осторожнее подходить к источникам.

Второй человек, сыгравший роль в моём становлении, — профессор Владимир Васильевич Комин, мой руководитель по кандидатской диссертации. Он занимался запретной по тем временам темой — изучал антибольшевистские силы (монархистов, кадетов, эсеров, меньшевиков). Его работы помечались грифом «Для служебного пользования» — они находились в спецхране, выпускались очень малым тиражом. В. В. Комин работал в закрытых архивах ещё в 1960-е гг., пока была «оттепель», но ссылаться на его работы коллеги не могли. Владимир Васильевич выписал мне пропуск в спецхран (называвшийся тогда условно «Коллекция ЦГАОР» — ныне Фонд белогвардейских и эмигрантских документов Государственного архива РФ), и я попал в архив по эмигрантам (после Октябрьской революции): сидел там с утра до вечера, и работников архива это раздражало. Познакомился с бесценными материалами! Но были и скверные моменты: когда проверяли мою общую толстую прошитую, опечатанную и пронумерованную тетрадь, куда я всё записывал при работе с архивами, то многое зачеркнули чёрной тушью, даже вырезали, а впоследствии отдали тоненькую тетрадку, напоминающую современную 12-листовую для школьников. Мне разрешили только лишь пересказывать то, что было прочитано и проанализировано мною в архиве. Учитывая, что «антисоветчиков» — рассказывающих, например, о белогвардейцах, — в молодёжной среде тогда очень любили, я стал героем различных студенческих компаний — интересно же, о чём он расскажет на этот раз! Моя природная застенчивость стала таять, так превратился в неутомимого рассказчика, научился общению.

Третий человек, повлиявший на меня, — доктор исторических наук Сергей Алексеевич Федюкин из Института истории СССР АН СССР, помогавший при написании докторской диссертации. Именно он подсказал мне мысль о том, что изучать интеллигентов-эмигрантов — мало, нужно заняться исследованием всей «антибольшевистской» интеллигенции. И я очень благодарен на-

званным здесь и многим не названным моим учителям. Вот таким своеобразным оказался мой научный путь историка — честно говорю, интересно было! И благодарен Судьбе за то, что на жизненном пути меня сопровождали такие замечательные поводыри.

И. С.: Вы достаточно давно преподаёте историю Отечества. Вам нравится эта работа? Если да, то почему?

А. К.: Честно говоря, я стал преподавать в университете случайно. Изначально я мечтал стать журналистом. 23 февраля 1967 г. впервые, когда мне не было и 14 лет, опубликовался в областной газете — радости тогда было много. Но на журфак был очень большой конкурс, и в поток поступивших я просто бы не попал. Поступил по совету отца на истфак. Здесь сразу говорили, что, скорее всего, пойду работать в школу по государственному распределению — раньше всё было именно так. Читал много книжек по школьной педагогике и методике преподавания. К концу учёбы стало понятно: чем выше балл по успеваемости, тем лучше устроишься. Хотел распределиться в школу села Верхняя Троица, где родился М. И. Калинин (председатель ЦИК СССР в 1930—40-е гг. — *И. С.*) — это было очень престижно и считалось большой удачей там работать. Моя однокурсница Марина Фадеева тоже хотела туда попасть, и по баллам её шансы оказаться у цели были чуть выше. Она со всей присущей ей человеческой добротой уступила мне место. Я был вне себя от радости! Тем не менее, на комиссии по распределению, где были упомянутые мною профессора ректор университета В. В. Комин и декан истфака Н. В. Ефременков, было принято решение об оставлении меня для преподавательской работы на кафедре. В это я вовсе поверить не мог! А Марина, конечно, обиделась на меня. 1 сентября 1975 г. я пришёл на первое своё занятие — мне дали студентов-вечерников. Специально отрастил бороду и усы, надевал очки, чтобы выглядеть перед уже взрослыми студентами более солидно. Но только лет через пять-шесть стал осознавать, что значит преподавать. 24 сентября 1980 г. вышла моя первая научная публикация в сборнике, чем тогда очень гордился. Сегодня у меня уже около 200 научных работ, в том числе монографии, изданные в России и за рубежом, но та первая как первый долгожданный ребёнок — самая любимая. В дальнейшем, в 1990-е, работал в пяти местах: уставал безумно, но именно здесь имело место то,

что называется «моими университетами» — читал лекции по курсу «Отечественная история» совершенно разным студентам, и потому стал более гибким в восприятии окружающих. Научился не просто диктовать материал, а доверительно вести беседу на исторические темы и при этом слушать мнения студентов. Но как читать некоторые периоды истории нашей страны, когда на первом ряду в потоке сидят иудеи в кипах, а на последнем — скинхеды? Часто стал говорить: «Возможно, что в данной трактовке исторических событий я не прав». Это было моим главным достижением. В общей сложности скоро будет 40-летие научно-педагогической работы, но реально и осознанно я, наверное, по-настоящему преподаю лет 20 от силы. И почти от каждой встречи со студентами испытываю истинную радость общения.

И. С.: Андрей Владимирович, однажды Вы пришли на занятия к студентам юридического факультета в кожаной одежде. Многие сразу подумали: рокер, байкер! А каковы на самом деле Ваши, например, музыкальные или вообще культурные предпочтения?

А. К.: Не поверите, но студенты почти что попали в точку! Действительно, в определённый период жизни мне весьма был близок и тяжёлый рок, и металл. Эта кожаная одежда — «американское наследие», оставшееся после моей первой научной командировки в США в середине 1990-х. Мои коллеги позвали меня в Форт-Росс, это русская колония в Калифорнии XIX в. — вот, мол, пошли, там есть река и посёлок с историческим названием Russian River, там как раз много русских исторических объектов. Проезжая на машине мимо этих мест, увидел: все люди ходят в кожаном! Это было потрясением для меня как человека, приехавшего из постсоветской России и не бывавшего до этого в капиталистической стране. Представьте себе: целый посёлок, в котором собираются байкеры, рокеры и металлисты. Там же были и клубы, где меня приветствовали и угощали. За работу по обработке материалов в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско, в Гуверовском архиве войны, революции и мира Стенфордского университета меня материально поощрили. В одном магазине в Сан-Франциско увидел на распродаже такую кожаную одежду, какая была у тех людей в посёлке — и сразу всё купил, чтобы выглядеть «своим» среди байкеров рокеров! Именно в этой одежде порой прихожу к студентам на лекции и семинары. Одна-

жды, зайдя в лекционную аудиторию в кожаном прикиде, я увидел, как бурно меня приветствовали, и даже покраснел от смущения — тем не менее, я привык иногда так появляться, и ничего страшного в этом не вижу. Пусть толерантность и плюрализм будут во всём, в том числе и в одежде!

И. С.: Сегодня Вы достаточно много времени уделяете научной работе, пишете книги. А есть ли у Вас какое-то свободное время? Увлечения, хобби?

А. К.: Моё самое большое увлечение — наука, История в различных её направлениях: я могу часами сидеть и работать, совершенно забывая про сон и еду, не думая о чём-то другом. Конечно, когда есть преподавание, времени остаётся немного. Также люблю классическую музыку: с семьёй ходим на концерты в Консерваторию. Люблю балет Театра Станиславского и Немировича-Данченко. Читаю книги, но не на электронной технике, за что мой сын и упрекает меня, мол, напрасно трачу деньги на бумагу, но мне просто так привычнее. Жизненный приоритет, конечно, — это семья: тут ты и педагог, и артист, испытывающий и радости, и огорчения. Счастлив, что в жизни дважды испытал фарт любви. Студентам я всегда говорю переиначенную мною фразу: «Любовь никогда не бывает без грусти, но это приятней, чем секс без любви!».

И. С.: Какие вещи в жизни человека, Андрей Владимирович, Вы считаете главными?

А. К.: Первое — любовь, причём любовь многогранная: к близкому человеку, детям, к Родине. Второе — наука, занятие любимым делом. Я скучаю, когда не вижу студентов: честно говорю — 1 сентября мне ежегодно опять становится 18 лет. Это счастье, когда студенты общаются с тобой, аплодируют тебе перед и после окончания лекции. С занятий со студентами почти всегда возвращаюсь «заряжённым» жизненной энергией! Пожалуй, этих двух вещей и хватит для того, чтобы быть счастливым.

И. С.: Андрей Владимирович, что Вы хотите пожелать в канун своего юбилея себе, студентам, всем читателям?

А. К.: Сначала — несколько слов о своих желаниях: я мечтаю выпускать свои книги, завершить уже имеющиеся сочинения (например, сейчас работаю над книгой о повседневной жизни пореволюционной интеллигенции — кто смог приспособиться к Советской власти, а кто сидел полжизни в лагерях). Что пожелать

читателям газеты, большинство которых — студенты? Не будьте консервативными! Стремитесь к изменениям, модернизации, как в жизни страны, так и в своей собственной судьбе — Россия должна развиваться вперёд! Критичнее относитесь к Истории — не принимайте на веру всего того, что говорят и пишут в СМИ, старайтесь анализировать происходившее и происходящее. Университету желаю достигать новых высот, чтобы об МГУ говорили во всём мире как об одном из ведущих университетов планеты, как это и было ещё в недавнем прошлом! Редакции «Московского университета» желаю сбавить тон официальности и включать больше «живых» материалов, статей и заметок о жизни студентов и преподавателей МГУ, о том, как стоит решать проблемы университета, которые возникают время от времени. И помните главное: преподавателю нельзя повторить вход дважды в одну и ту же аудиторию, как нельзя наступать на одни и те же грабли — именно этому учит История нашего Отечества.

И. С.: Спасибо Вам за интервью, Андрей Владимирович! В связи с 60-летием желаем Вам крепкого здоровья, семейного счастья и успехов в постижении исторической науки!

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

ББК 63.3(2)64-283.2

О. В. Золотарев

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ… РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ Е. Т. ЮИНГА «УЧИТЕЛЯ ЭПОХИ СТАЛИНИЗМА: ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА И ЖИЗНЬ ШКОЛЫ 1930-х гг.»[1]

Наиболее неотъемлемой и важной фигурой в системе народного образования является школьный работник-педагог. Именно поэтому ситуация в учительской среде определяет положение школы, отражает то, насколько точно проводится на местах политика центра в образовательной сфере, а значит, и свидетельствует об успехе или неудаче этой политики. Ведь учитель является важнейшим элементом учебного и воспитательного процесса в школе. Без педагога нет школы, а без высококвалифицированного учителя нельзя решить ни одну из задач, которые стоят перед народным просвещением. Школьное дело всегда зависело в большей степени от учителя, нежели от материальных и иных проблем. Нельзя забывать и о том, что школьные педагоги являются самым видным и многочисленным представителем городской и сельской интеллигенции (особенно заметно это влияние в провинции) и играют в жизни страны важнейшую роль.

Наверное, именно исходя из этих соображений, американский историк Е. Т. Юинг посвятил свое исследование советским учителям периода переустройства общества, сталинской реформы народ-

© Золотарев О. В., 2013

Золотарев Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института. (8-212) 21-44-81.

ного образования. В центре его внимания находится повседневная жизнь педагогов начальной и средней школы, особенности их работы, социальный статус, политические настроения. Анализируются отношения, сложившиеся между властями и учительством, школой и простыми людьми, эволюция этих взаимоотношений.

Работа основана на широком спектре источников. Среди них архивные и опубликованные материалы, которые включают воспоминания и письма, газетные и журнальные статьи, сообщения школьных инспекторов, методики и учебные пособия.

Конечно, строго говоря, эта книга — не об учителях эпохи сталинизма. Ведь сталинское учительство — это школьные работники не только 1930-х, но и начала 1950-х годов. И сталинский учитель начала 50-х годов — это далеко не тот учитель, которым он был в конце годов 20-х. Между тем, автор дает как бы моментальный снимок положения советского учительства, основываясь на материалах начала 1930-х годов, не касаясь военного и, тем более, послевоенного периода. Однако ценность данной книги в том, что это своеобразный взгляд «со стороны», не «замутненный» наслоениями как советской, так и постсоветской историографии.

Примечательно, что к воззрениям последней Е. Т. Юинг относится весьма критично, справедливо упрекая ее, как и представителей западного «тоталитарного подхода», в упрощенной трактовке советской системы образования как «пассивного общества с преданными власти слугами». При этом сторонники «тоталитарного подхода» не замечают противоречивости и сложности советской государственной политики. Что касается образования, то, конечно, «сталинистские школы явно были нацелены на политические и культурные перемены», однако «в школах других стран тоже имелись свои глубоко укоренившиеся “тайные” механизмы общественного контроля»[2]. По мнению американского исследователя, советская школа в этом была далеко не одинока…

Главное же, что отличало советское образование 1930-х годов, по мнению автора книги, это «приоритетность» качества образования. А главную роль в обеспечении качественного образования играл именно учитель. Причем осознание этого властями приводило к «уникальности» положения советского учителя в данный период. Впрочем, Е. Т. Юинг говорит и о том, что эта «уникальность» не уникальна. Она имеет много аналогов в исто-

рии, «советские учителя 1930-х гг. во многом похожи на педагогов тех стран, где круто менялась общественная жизнь или образование становилось приоритетом государственной политики». А «министры и другие руководители просвещения обычно понимали особую роль учителей для общественного и экономического развития и, соответственно, выстраивали стратегию пополнения их рядов, обучения и управления ими»[3].

Естественно, такое, во многом исключительное, положение учительства создавало определенные сложности во взаимоотношениях с властными структурами. Американский историк верно замечает, что в этот период учительство очутилось как бы «между наковальней и молотом»[4]. Действительно, порой властные структуры (особенно на местах) воспринимали учителей только в качестве представителей враждебной интеллигенции, а порой местным властям вообще не было никакого дела ни до школы, ни до учителей. Поэтому нередко, спасаясь как от невнимания к своим нуждам, так и от прямого недоброжелательства, учительству приходилось искать помощи у центра.

Нередко сложности во взаимоотношениях с властью приводили к политической индифферентности учительства, нежеланию его втягиваться в политическую борьбу, что было неприемлемо для режима, надеявшегося на содействие школьных работников в своих начинаниях. Особенно это касалось преобразований в области просвещения. И здесь государству удалось добиться поддержки учительского корпуса. Многие инициативы властей в образовательной сфере начала 1930-х годов находили понимание у школьных работников. В книге справедливо говорится о том, что учителя «понимали и чувствовали близость политических целей режима чаяниям народных масс и были в авангарде этой борьбы»[5]. Во многом именно благодаря учительству удалось сгладить конфликт между местными обычаями и образовательной политикой центральной власти (особенно это касается всеобуча), и советская школа получила народную поддержку[6]. Правда, в данном случае надо учитывать и прагматическое отношение крестьянства к образованию. Когда крестьянские массы поняли, что новая советская школа, сформировавшаяся в 1930-е годы, нацелена в большей степени на получение знаний учащимися, а не только на воспитание советского человека, то их отношение к но-

вой школе стало кардинально меняться: от неприятия и враждебности до поддержки. А учительство разделяло возвращение к консервативным тенденциям в советском образовании, когда главной задачей стало — дать знания, ведь школьные работники не могли не понимать, что образование постепенно занимает центральное место в преобразовании советского общества[7].

Именно этой позицией учительства, его вовлеченностью в процессы преобразований и объясняется относительно благожелательное отношение властей к школьным работникам в 1930-е годы. И здесь сложно согласиться с автором исследования, когда он, противореча своим предыдущим выводам, утверждает, что «от политики кнута и пряника» в отношении школьного педагога власти оставили «только кнут»[8]. Хотя, конечно, отношения власти и учительства оставались непростыми на всем протяжении исследуемого периода.

О положительных тенденциях во взаимоотношениях властей и школьных работников можно судить хотя бы по изменениям в материальном состоянии педагогов. Надо заметить, что Е. Т. Юинг довольно подробно останавливается на этом важном для понимания положения учительства вопросе. И здесь, возможно, имеет смысл возразить американскому историку, когда он говорит, что в царское время учителя получали много меньше других специалистов[9]. Конечно, заработная плата учителя (особенно начальной школы) была несколько меньше, нежели, например, инженера. Однако надо учитывать, что в дореволюционной России положение учителей было весьма заметным: школьный работник занимал высокое место в социальной иерархии. Особенно ярко это проявлялось на селе. В деревне самыми уважаемыми и авторитетными людьми были староста, учитель и священник. Во многом это объяснялось незначительным количеством грамотных среди населения и, вследствие этого, трепетным отношением крестьян к образованному человеку. Говоря о высоком социальном статусе дореволюционного учителя, нельзя сбрасывать со счетов и сравнительно благополучное материальное положение педагогов. Низшая учительская ставка в начальной школе (30 р. в месяц) в полтора раза превосходила среднюю заработную плату рабочего (22,5 р. в месяц). И все же заработная плата педагога начальной школы едва превышала прожиточный

уровень крупных городов. А вот учитель средней школы был по своему социальному статусу недосягаем даже для средних слоев городского населения. Это подтверждается следующими данными. Учитель гимназии (в зависимости от стажа работы) получал от 75 до 210 р. в месяц (в 3,3—9,5 раза больше рабочего), а учительская пенсия составляла 150 р. в месяц[10].

Впрочем, американский исследователь верно замечает, что в первые годы Советской власти, особенно в нэповский период, материальное положение учительства заметно ухудшилось. Действительно, этот факт не вызывает сомнений, ведь ортодоксальная финансовая политика Советского правительства при НЭПе предполагала серьезное сокращение расходов на социальные нужды, в том числе и на заработную плату школьных работников, финансируемую из бюджета. В итоге зарплата педагогов оказалась в несколько раз меньше, нежели рабочих. Оплата труда учительства была в конце 1920-х годов почти в два раза меньше, чем до войны[11]. Это наносило серьезный удар по школе, вело к дефициту кадров, ведь относительно хорошо образованный школьный педагог довольно быстро находил себе новую, с большими доходами работу.

Между тем объявленная культурная революция и всеобуч требовали усиленного развития народного просвещения, открытия новых школ и, значит, учительских кадров. Это заставило руководство страны предпринять в конце 20-х и 30-е годы ряд действий, направленных на улучшение положения школьных работников. Кроме того, и средства, выделяемые на народное образование, заметно увеличились.

Работникам просвещения на селе был предоставлен ряд льгот: они были приравнены в снабжении промышленными товарами и продуктами питания к рабочим, им предоставлялись бесплатные квартиры с бесплатным отоплением и освещением. Ряд шагов был сделан и в деле обеспечения учителей пенсиями. Предусматривались и иные меры, направленные на улучшение материального положения учителей: вскоре власти значительно повысили заработную плату школьным работникам. В конце 30-х годов зарплата в народном образовании уже превышала средний ее уровень по промышленности[12]. Хотя она в целом не была значительной, но положение учителей серьезно улучшилось. Это сказалось даже на внешнем облике учительства (который в 1920-е годы,

как справедливо отмечает автор книги, мало отличался от обычного крестьянина), по свидетельству тех лет, педагоги стали лучше одеваться, у них появились предметы, представлявшиеся символом зажиточности: велосипеды, патефоны, наручные часы, швейные машинки…

Однако эти перемены не были отмечены Е. Т. Юингом, он указывает, что «относительно низкий уровень жизни учителя не вызывает никаких сомнений», отмечая, впрочем, что «относительно» потому, что он был «ниже того, на который они рассчитывали»[13]. Возможно, это заблуждение — следствие не использования автором материалов конца 1930-х годов, когда перемены в материальном положении учительства стали зримыми. Вместе с тем Е. Т. Юинг подмечает такой немаловажный факт, как сокращение доли женщин среди советских учителей 30-х годов[14]. А то, что педагогическое поприще становится привлекательным для мужчин, всегда свидетельствовало о повышении статуса учительской профессии, что в первую очередь было обусловлено материальными причинами.

Власти, осознавая необходимость для наметившихся в стране преобразований учительского корпуса, пытались поднять престиж педагогической профессии, помимо улучшения материального положения, и иными способами. Ведь непопулярность учительского труда объяснялась, кроме всего прочего, и революционными настроениями, стремлением к быстрым переменам, которые царили в советском обществе. А профессию учителя не окружал ореол героизма, причастности к происходившим в стране переменам. Поэтому среди предпринятых мер особо следует выделить широкую пропагандистскую кампанию. Так, в газетах помещались очерки о преданных школьному труду педагогах. При этом даже подчеркивалась роль учительских кадров еще дореволюционной подготовки, а их оставалось еще немало (например, в Сибири около 20 % всех учителей). Был снят и ряд фильмов об учительстве — «Учитель» (1939 г.), после войны — «Сельская учительница» (1947 г.) и др. Возобновилась и практика награждения учителей орденами и медалями: в 1939 году ими было отмечено около 4 тыс. педагогов, что во многом отражало наметившийся в этот период переход к традициям дореволюционной школы.

Важной ролью школьных работников в происходивших культурных переменах можно объяснить и относительную снис-

ходительность властей в отношении педагогического корпуса в период политических «чисток» конца 30-х годов: в них пострадало весьма незначительное количество школьных педагогов. В этой связи Е. Т. Юинг верно подмечает: «Учителя втягивались в политику, их труд ценился на вес золота»[15]. Относительную безопасность учительства в это время, по справедливому суждению автора, обеспечивала нехватка педагогов, а также малое количество членов партии среди школьных работников и незначительная возможность карьерного роста (именно эти факторы нередко приводили к арестам). Е. Т. Юинг говорит о 3 % пострадавших от репрессий школьных работников[16]. В этой связи стоит заметить, что репрессии выразились в основном только в увольнениях, более жесткие меры почти не применялись. Недовольство властей отразилось, прежде всего, на руководящих кадрах народного образования, которые понесли во второй половине 30-х годов значительный урон. Конечно, такие постоянные перестановки не способствовали стабильной деятельности образовательных структур. К тому же данные действия были ударом и по общему профессиональному уровню учительства. Власти быстро это осознали. Последнее привело к реабилитации части школьных работников: многие из них были восстановлены на работе. Партийно-государственные органы в конце 30-х годов заговорили уже о «перегибах» в отношении учителей. Такой пересмотр позиций способствовал нормализации работы как школ, так и отделов народного образования на местах.

В целом, говоря о воздействии властей на учительство в идеологической области, следует признать, что оно оказалось не в полной мере успешным. Конечно, к концу 30-х годов учитель уже не был источником враждебного для большевиков влияния, что отмечалось сразу после октября 1917 г. И это можно рассматривать как несомненный успех. Но учительская масса не стала, за некоторым исключением, и активным проводником новой идеологии.

Ситуация усугублялась и определенной двойственностью положения учительства (особенно сельского). Ведь школьные педагоги воспринимались населением как проводники государственной линии. Нередко в ходе коллективизации учителя, наряду с партийными и советскими работниками, даже подвергались на-

падениям озлобленного крестьянства. Действительно, педагоги в деревне принимали активное участие в образовательных кампаниях государства (всеобуч, ликбез и т. п.), в ходе коллективизации весьма содействовали колхозной политике. Многие учителя избирались членами сельсоветов. Вместе с тем, сами власти как в 20-е, так и в 30-е годы с подозрением относились к учительству (поначалу в силу симпатий учительства к эсерам, затем из-за подозрительного отношения к интеллигенции в целом)[17].

Таким образом, учителя оказывались чужими как для властей, так и для крестьянства.

Другой вопрос, на котором подробно останавливается автор книги и который всерьез стал волновать власти в 30-е годы — это уровень подготовки учительства. В начале 30-х годов смена вектора советской образовательной политики, ориентация школы на получение учащимися общеобразовательных знаний привела к смещению акцентов в практике подготовки учителей. Большее внимание стало уделяться профессиональным знаниям. В этой связи автор исследования справедливо замечает, что в результате обращения властей к этой проблеме «страна получила много хороших учителей»[18]. Вместе с тем, попытки поднять профессиональный уровень школьных работников приводили к конфликту поколений, ведь старшее поколение учительства всегда отдавало первенство (в отличие от учительства, получившего подготовку в 20-е годы) профессиональным знаниям, а не политической компетентности, и в итоге первенствовало в учебном процессе. Естественно, это было не по нраву молодому поколению, хорошо подкованному идеологически, но явно отстающему по уровню профессионализма. И этот факт также верно подмечен Е. Т. Юингом.

Обращение властей к вопросам профессиональной подготовки учительства в начале 1930-х годов было во многом вынужденным. Недостаточные знания учительства имели следствием не только невысокое качество подготовки учащихся (а страна в период быстрой модернизации стала остро нуждаться в квалифицированных рабочих кадрах, которые не могли появиться без прочных школьных знаний). Низкая квалификация педагогических работников способствовала и серьезному падению авторитета школьного работника среди местного населения. Образ учителя начала 30-х годов был малопривлекателен. Слабо подготовлен-

ные в профессиональном плане педагоги равнодушно смотрели на недостатки в работе школ, народном образовании в целом.

Проблема нехватки квалифицированных учительских кадров еще более осложнилась, когда было начато проведение всеобуча. С ростом числа школ II ступени, повышением требований к уровню знаний выпускников (что было вызвано индустриализацией) остро встал вопрос об учителе с высшим образованием. Это вызвало пересмотр приоритетов в политике подготовки учителей и инициировало открытие педагогических вузов. Сеть педвузов в стране в 30-е годы резко выросла по сравнению с началом 20-х годов. К концу 30-х — в 4,5 раза, а число студентов в них — в 17,8 раза[19]. Конечно, это очень помогло как в решении проблемы нехватки учительских кадров, так и повышении уровня подготовки школьных работников. Но вот к этим сюжетам Е. Т. Юинг по каким-то причинам не обращается…

Хотя в исследовании верно подмечено, что, несмотря на все усилия властей, уровень подготовки школьных работников оставался все же невысоким: немногие из них читали газеты и журналы, изучали педагогические книги[20].

Конечно, некоторые вопросы, связанные с учительством, например материальное положение, обеспеченность учительскими кадрами, и к началу 40-х годов зачастую оставались нерешенными.

Ведь власти хоть и обращали свое внимание на проблемы народного образования и учительства в 30-е годы, все же не могли их полностью разрешить, оставаясь ограниченными в средствах, — большая часть финансовых и материальных ресурсов страны шла на индустриализацию, а не на культурные и социальные нужды. Однако несмотря на сохранение целого ряда трудностей, в 30-е годы власти сделали многое в плане интеллектуального и материального обеспечения образовательной системы страны. Это самым положительным образом сказалось на работе учреждений народного образования и жизни учительства.

Возвращаясь к книге Е. Т. Юинга, прежде всего надо заметить, что главным ее достоинством является свежий взгляд со стороны, позволивший автору уловить многие детали и аспекты советской школьной жизни 1930-х годов. В исследовании верно подмечено, что при Сталине учительство стало «особым сообществом», которое обладало «уникальными качествами и положе-

нием» и, несмотря на свое приниженное состояние (это автор во многом объясняет общим пренебрежительным отношением к учительской профессии в мире), сумело обеспечить советской школе как «народную поддержку», так и относительный успех школьной реформы 30-х годов. Более того, именно учительство 30-х годов стало той социальной группой, которая продолжала оказывать доминирующее воздействие на развитие советского общества в течение нескольких последующих десятилетий[21].

Примечания

[1] *Юинг Е. Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. / пер. с англ. Д. А. Благова. М., 2011.
[2] Там же. С. 191—192 и др.
[3] Там же. С. 17.
[4] Там же. С. 34.
[5] Там же. С. 61.
[6] Там же. С. 72.
[7] Там же. С. 264, 267.
[8] Там же. С. 17.
[9] Там же. С. 93.
[10] Подробнее о материальном положении учителя в дореволюционной России см.: *Сучков И. В.* Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX—XX веков // Отечественная история. 1995. № 1 ; и др.
[11] *Юинг Е. Т.* Указ. соч. С. 93.
[12] *Зезина М. Р.* Складывание командно-бюрократических методов руководства культурой // Режим личной власти Сталина : к истории формирования. М., 1989. С. 152 и др.
[13] *Юинг Е. Т.* Указ. соч. С. 98.
[14] Там же. С. 131, 149 и др.
[15] Там же. С. 126.
[16] Там же. С. 237, 239.
[17] Народное просвещение. 1930. № 6. С. 16—17 ; № 7/8. С. 8—10 ; За коммунистическое просвещение. 1934. 4 дек. С. 4.
[18] *Юинг Е. Т.* Указ. соч. С. 168.
[19] Деятельность Коммунистической партии по подготовке и воспитанию учительских кадров в период социалистического строительства. М., 1981. С. 40 ; и др.
[20] *Юинг Е. Т.* Указ. соч. С. 179.
[21] Там же. С. 268.

АННОТАЦИИ

Данилов А. А., Корнев С. А. Проблема самоидентификации интеллигенции в условиях кризиса

Ключевые понятия: российская интеллигенция и власть, проблема самоидентификации интеллигенции, психологический кризис, «внутренняя эмиграция» интеллигенции.

Рассматривается влияние социальной идентичности на переживание интеллигенцией смысла жизни в условиях кризиса самоидентификации. Подчеркивается кризисное состояние российской интеллигенции как следствие реформ последних десятилетий.

Докучаев Д. С., Назукина М. В. «Элитарный» регионализм в России: проблема взаимоотношений власти и интеллигенции (на материале Пермского края и Ивановской области)

Ключевые понятия: «элитарный» регионализм, политические элиты, интеллигенция, власть, имидж региона, региональная идентичность.

Характеризуются новые реалии федерально-региональных отношений в современной России. Особый акцент делается на вопросах региональной имиджевой политики. Делается вывод о том, что элитарная модель регионального управления в вопросах идентичности, идущая в разрез с традиционным для региона вектором самоопределения своей уникальности, всегда или почти всегда формирует конфликтный потенциал внутри региона.

Борзова И. С., Докучаева Н. А. Роль оппозиции и интеллигенции в формировании гражданского общества в посткоммунистических странах Восточной Европы в конце XX — начале XXI века (на материале Белоруссии и Черногории)

Ключевые понятия: оппозиция, интеллигенция, гражданское общество, Восточная Европа, Белоруссия, Черногория.

Анализируется роль оппозиции и интеллигенции в формировании гражданского общества в отдельных посткоммунистических странах Восточной Европы. В качестве примера берутся случаи Белоруссии и Черногории. Отмечается, что в этих странах оппозиции и интеллигенции приходится балансировать между трансформирующимся государством и формирующимся гражданским обществом.

Околотин В. С. Роль научной интеллигенции в разработке налоговой политики в Наркомфине СССР (1936—1941)

Ключевые понятия: советская интеллигенция, научно-исследовательская работа, налоговая политика, финансы, политические репрессии.

Исследуется участие интеллигенции в разработке налоговой политики СССР во второй половине 1930-х гг. Отмечаются позитивные и негативные черты данного процесса в контексте изучаемого периода. Работа основана на широком использовании архивных материалов и непротиворечива в посылках и выводах.

Борисова И. Д., Никонов О. А. Профессионально-образовательные контакты Ирана с Россией в контексте анализа формирования иранской интеллигенции (вторая половина XIX — начало XX века)

Ключевые понятия: российско-иранские отношения, национальная интеллигенция, просветительская деятельность, реформы образования.

Анализируется проблема формирования национальной интеллигенции Ирана, её деятельности в просветительстве, реформаторстве в образовании, распространении технических и естественнонаучных знаний, в организации светских школ, подготовке профессиональных кадров. Показаны изменения в структуре интеллигенции, отмечена специфика пополнения ее рядов новыми группами, отображено ее участие в общественно-политическом движении страны на рубеже XIX—XX столетий, в ходе конституционной революции 1905—1911 гг.

Константинов С. И. Специфика Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе и военная интеллигенция России

Ключевые понятия: Гражданская война, классы и партии в Гражданской войне, интеллигенция, военная интеллигенция, офицерский корпус.

Представлена широкая панорама Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе. Публикацию отличает публицистичность, использование значительного круга источников и литературы, включая и художественные тексты. Автор описывает и анализирует судьбы русских офицеров — участников Гражданской войны. Изучаются позитивные и негативные последствия Гражданской войны для страны и советского режима.

Волков В. С. У истоков ленинградской-петербургской школы интеллигентоведения: Борис Иванович Сандин

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентоведение, Б. И. Сандин.

Статья посвящена вкладу Б. И. Сандина в исследование советской интеллигенции. Прослеживаются основные этапы жизненного пути и творческого поиска ученого. Показаны особенности его работы со своими учениками. Делается вывод о том, что именно работы Б. И. Сандина заложили фундамент ленинградской, а впоследствии, и петербургской школы интеллигентоведения. Публикация основана на имеющихся документальных источниках, а также на личных воспоминаниях автора и других учеников ленинградского историка.

Кирюхин Д. В. Придворная интеллигенция эпохи ранних Тюдоров и ее роль в обучении и воспитании наследников королевского трона

Ключевые понятия: эпоха ранних Тюдоров, придворная интеллигенция, обучение и воспитание наследников престола.

Рассматриваются вопросы обучения и воспитания наследников английского трона при дворе ранних Тюдоров — принцев Артура и Генриха. Особое внимание уделяется деятельности педагогов Бернара Андре и Джона Скелтона. Их роль и влияние раскрываются на основе изучения их исторических и поэтических произведений.

Волобуева М. М. Деятельность рабфаков Верхневолжья в конце 1920—30-х годах

Ключевые понятия: рабфаки, социальный состав, индустриальные рабочие, партийный состав, учебный план, успеваемость студентов, бригадно-лабораторный метод, преподавательский состав.

Исследуется деятельность рабочих факультетов на территории Верхней Волги (Ярославля, Костромы, Иванова и Владимира). Рассматриваются вопросы социального и партийного состава учащихся, разли-

чия в учебных планах и программах на территории Верхней Волги и страны в целом. Автор выделяет основные методы преподавания и анализирует успеваемость студентов в конце 1920—30-х годах XX века.

Изучать Историю — это критически взглянуть на свою жизнь (интервью ***И. Н. Стрекалова*** с ***А. В. Квакиным***)

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентность, интеллигенты-эмигранты, интеллигентоведение, историческая наука, педагогика высшей школы.

Публикация приурочена к 60-летнему юбилею профессора, доктора исторических наук А. В. Квакина. Обсуждаются основные аспекты современного интеллигентоведения, разбираются педагогические и нравственные проблемы изучения истории в высшей школе, а также отражение этих проблем в вузовской периодике, в частности МГУ.

Золотарев О. В. Свежий взгляд со стороны… Размышления над книгой Е. Т. Юинга «Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг.»

Ключевые понятия: учителя, учительство, школа и власть, учителя и власть, материальное положение учительства, образование.

Анализируется книга американского историка Е. Т. Юинга, вышедшая в свет в 2011 году и представляющая новый взгляд на проблему, которая достаточно хорошо изучена в существующей научной литературе. Отмечая достоинства монографии, автор вступает в полемику с американским историком, приводя в качестве доказательств свои данные и результаты трудов других ученых. Последнее обстоятельство придает статье самостоятельную научную значимость.

ANNOTATIONS

Danilov A. A. Kornev S. A. Problem of self-identification of the intelligentsia in the conditions of crisis

Key notions: Russian intelligentsia and power, problem of self-identification of the intelligentsia, psychological crisis, «internal emigration» of intelligentsia.

The article deals with influence of social identity on experience of meaning of the life of the intelligentsia in the conditions of self-identification crisis. The crisis state of Russian intelligentsia as a result of reforms of the latest decades is emphasized.

Dokuchaev D. S., Nazukina M. V. «Elitist» regionalism in Russia: the problem of the relationship between the authorities and the intellectuals (by the case of Permski krai and the Ivanovo region)

Key notions: elitist regionalism, political elites, the intellectuals, the authorities, image of the region, regional identity.

The article analyses the new realities of the federal-regional relationship in the contemporary Russia. The research of the aspects of authorities-intellectuals relations in the sphere of the regional image policy is emphasized. The conclusion is made that the elitist model of regional management in the sphere of identity, which differs from the traditional for the region way of self-determination of its uniqueness, always, or very often, creates a conflict potential within the region.

Borzova I. S., Dokuchayeva N. A. The role of the opposition and intelligentsia in formation of civil society in post communist countries of Eastern Europe at the end of XX — the beginning of the XXI century (cases of Belarus and Montenegro)

Key notions: opposition, intelligentsia, civil society, Eastern Europe, Belarus, Montenegro.

In the article the role of opposition and intelligentsia in formation of civil society in certain post communist countries of Eastern Europe is ana-

lyzed. As an example authors show example cases of Belarus and Montenegro. In these countries opposition and the intelligentsia have to balance between the transformed state and formed civil society.

Okolotin V. S. Role of the scientific intelligentsia in development of tax policy in Narkomfin of the USSR (1936—1941)

Key notions: Soviet intelligentsia, research work, tax policy, finance, political repressions.

The presented work is devoted to participation of the intelligentsia in development of a tax policy of the USSR in the second half of the 1930-s. The author notes positive and negative features of this process in a context of the studied period. The work is based on wide use of archival materials. It is consistent in causes and conclusions.

Borisova I. D., Nikonov O. A. Professional and educational contacts of Iran with Russia in a context of the analysis of formation of the Iranian intelligentsia (the second half of XIX — the beginning of the XX century)

Key notions: Russian-Iranian relations, national intelligentsia, educational activity, education reforms.

The article is devoted to the problem of formation of the national intelligentsia of Iran, its activity in enlightenment, reforms in education, in distribution of technical and natural-science knowledge, in the organizations of secular schools, in preparation of professional personnel. Changes in intelligentsia structure are shown, specifics of its replenishment by new groups is noted, its participation in political movement of the country at the turn of the XIX and the XX centuries, during the constitutional revolution of 1905—1911 is displayed

Konstantinov S. I. Specifics of Civil war in the Uralo-Povolzhsky region and the military intelligentsia of Russia

Key notions: Civil war, classes and parties in Civil war, the intelligentsia, the military intelligentsia, the officer case.

The wide and colourful picture of Civil war in the Uralo-Povolzhsky region is presented in the article. The publication is distinguished by a publicist manner of writing, use of a wide range of sources and literature, including art texts. The author describes and analyzes destinies of Russian officers — participants of Civil war. Positive and negative consequences of Civil war for the country and the Soviet regime are studied.

Volkov V. S. At the sources of the Leningrad-Petersburg school of intelligentsia studies: Boris Ivanovich Sandin

Key notions: intelligentsia, intelligentsia studies, B. I. Sandin.

The article is devoted to B. I. Sandin's contribution to research of the Soviet intelligentsia. The author shows the main stages of life and creative search of the scientist. Features of his work with the pupils are shown. The conclusion is that Sandin's works made the foundation of the Leningrad, and, subsequently, the Petersburg school of intelligentsia studies. The article is based on available documentary sources, and also on V. S. Volkov's personal memoirs and memoirs of other pupils of the Leningrad historian.

Kiryukhin D. V. The court intelligentsia of the era of the early Tudor dynasty and its role in training and education of successors of a royal throne

Key notions: era of the early Tudor dynasty, court intelligentsia, training and education of successors of a throne.

The article is devoted to the problem of training and education of successors of English throne at court of the early Tudor dynasty — princes Arthur and Henry. The special attention is paid to activity of teachers Bernard André and John Skelton. Their role and influence are revealed on the basis of study of their historical and poetic works.

Volobuyeva M. M. Activity of workers' faculties of the Upper Volga in the late 1920-s — the 1930-s

Key notions: workers' faculties, social structure, industrial workers, party structure, curriculum, progress of students, brigade and laboratory method, teaching structure.

The article is devoted to activity of working faculties in the territory of Upper Volga (Yaroslavl, Kostroma, Ivanovo and Vladimir). Questions of social and party structure of pupils are considered. Distinctions in curricula and programs in the territory of Upper Volga and the country as a whole are analyzed. The author allocates the main methods of teaching, and analyzes progress of students at the end of 1920-s — the 1930-s of the XX century.

To study History is to look critically at one's life (***I. N. Strekalov's*** interview to ***A. V. Kvakin***)

Key notions: intelligentsia, intelligence, intelligentsia emigrants, intelligentsia studies, historical science, pedagogic of the high school.

The career of the professor, the doctor of historical sciences A. V. Kvakin is considered, the main problems of modern intelligentsia studies are analyzed, pedagogical and moral aspects of history studying in high school are shown. The publication is dated for A. V. Kvakin's 60-year anniversary.

Zolotaryov O. V. New view from outside… Thoughts about E. T. Ewing's book «The teachers of Stalinism: policy, practice and power in Soviet schools of the 1930-s»

Key-notions: teachers, teaching, school and power, teachers and power, financial situation with teaching, education.

The article represents the analysis of the book of the American historian E. T. Ewing «The teachers of Stalinism: policy, practice and power in Soviet schools of the 1930-s», published in 2011. It is noted that the author managed to look in a new way at a problem which is rather well studied in existing scientific literature. At the same time, noting the monograph advantages, the author starts polemic with the American historian, giving as proofs his facts and results of works of other scientists. The last circumstance gives the article the independent scientific importance.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим ***актуальным проблемам*** современной науки:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях;***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;***
- ***Международные отношения и личность;***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры;***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников.***

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2013 № 3

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 20.06.2013 г.
Формат 60 × 84$^{1}/_{16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☏ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

IVANOVO • STATE • UNIVERSITY •
PRO PATRIAE
BENEFICIO
• MCMXVIII •